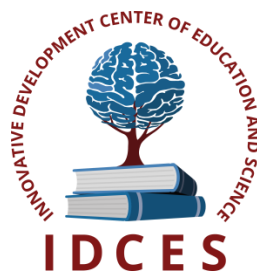

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

**Актуальные вопросы и перспективы развития
гуманитарных наук**

Выпуск III

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 мая 2016г.)**

**г. Омск
2016 г.**

Актуальные вопросы и перспективы развития гуманитарных наук, / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 3. **г.Омск** 2016. 56 с.

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент Бойко Евдокия Семеновна (г.Красноярск), кандидат искусствоведения Бражникова Юлия Александровна (г.Усть-Каменогорск), кандидат филологических наук, доцент Бутусова Анжелика Сергеевна (г.Ростов-на-Дону), доктор философии, доцент Волосков Игорь Владимирович (г.Сергиев Посад), кандидат филологических наук Дмитриева Елизавета Игоревна (г.Москва), кандидат педагогических наук, докторант Коршунова Вера Владимировна (г.Красноярск), кандидат культурологии, доцент Николаева Елена Валентиновна (г.Москва), доктор искусствоведения, доцент Хватова Светлана Ивановна (г.Майкоп), кандидат филологических наук Чечелева Вера Николаевна (г.Москва)

В сборнике научных трудов по итогам III Международной научно-практической конференции **«Актуальные вопросы и перспективы развития гуманитарных наук»**, г.Омск представлены научные статьи, тезисы, сообщения аспирантов, соискателей ученых степеней, научных сотрудников, докторантов, преподавателей ВУЗов, студентов, практикующих специалистов в области филологии, искусствоведения и культурологии, общественных деятелей и лиц, проявляющих интерес к рассматриваемым вопросам, Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

Сборник включен в национальную информационно-аналитическую систему "Российский индекс научного цитирования" (РИНЦ).

Оглавление

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.00).....	6
СЕКЦИЯ №1.	
ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.01)	6
СЕКЦИЯ №2.	
МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.02).....	6
СЕКЦИЯ №3.	
КИНО-, ТЕЛЕ- И ДРУГИЕ ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.03)	6
СЕКЦИЯ №4.	
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО- ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.04)	6
СЕКЦИЯ №5.	
ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.05)	6
СЕКЦИЯ №6.	
ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.06).....	6
МЕТОДИКА СОЗДАНИЯ ИНТЕРАКТИВНОГО МУЛЬТИМЕДИЙНОГО ИЗДАНИЯ (КНИГИ)	
Лория В.А.	6
ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ ПРОТИВНИКОВ В РАМКАХ ГЕЙМ-	
ДИЗАЙНА КАК ПРОЕКТНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ	
Казакова Н.Ю.	11
СЕКЦИЯ №7.	
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.09)	14
КУЛЬТУРОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.00)	14
СЕКЦИЯ №8.	
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.01)	14
КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА И АРТ-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПОНЯТИЯ, ЦЕЛИ,	
ВЗАИМОПЕРЕСЕЧЕНИЕ	
Митасова С.А., Маковец Л.А.	14
МЕСТО И ЦЕЛЬ ИМАЖИНАЛЬНОЙ И КОГНИТИВНОЙ ГЕОГРАФИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ	
Юрьева А.В.	16
РАЗВИТИЕ МУЗЕЙНОЙ КУЛЬТУРЫ, ПОД ВЛИЯНИЕМ ЧЕЛОВЕКА XXI ВЕКА	
Шутова О.В.	19
СЕКЦИЯ №9.	
МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.03)	21
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.00.00)21	21
СЕКЦИЯ №10.	
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.01)	21
ПОЭТИКА ПОСТМОДЕРНИЗМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ	
Милославская В.В., Бондаренко О.В., Кострулева И.В.	21
РАССКАЗ ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА ШАНТАЕВА «ЗЛАЯ НЕВЕСТА» В КОНТЕКСТЕ	
ПРИХОДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XXI ВЕКА	
Леонов И.С.	23
СПЕЦИФИКА ОБРАЗА "ОСЕНЬ" В ЛИРИКЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА	
Дыдаева Н.Н.	25
СЕКЦИЯ №11.	
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЛИ ГРУППЫ ЛИТЕРАТУР) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.02)	27

СЕКЦИЯ №12. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.03)	27
СЕКЦИЯ №13. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.08)	27
СЕКЦИЯ №14. ФОЛЬКЛОРИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.09).....	27
СЕКЦИЯ №15. ЖУРНАЛИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.10).....	27
ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.00).....	27
СЕКЦИЯ №16. РУССКИЙ ЯЗЫК (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.01).....	27
СОДЕРЖАНИЕ И ОБЪЕМ ПОНЯТИЯ «ПАМЯТЬ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА) Михайлова К.С.	27
СЕКЦИЯ №17. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.02).....	30
СЕКЦИЯ №18. СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.03)	30
СЕКЦИЯ №19. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.04)	30
СЕКЦИЯ №20. РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.05)	31
НЕВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ ПРИ ПРЕПОДАВАНИИ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА Селиванова И.В.	31
ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ Осинцева Т.В.	33
СЕКЦИЯ №21. КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.14)	35
БЫТОВЫЕ ПОНЯТИЯ В АНАТОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ Рюмина Е.В., Савенкова С.Р.	35
СЕКЦИЯ №22. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.19)	39
К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ ПОНЯТИЯ «КОНЦЕПТ» В ЯЗЫКОЗНАНИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА Тимофеева А.А.	39
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ СУБЪЕКТА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА Грызлова Г.А.	41
СЕКЦИЯ №23. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.20).....	44
ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО, ФРАНЦУЗСКОГО И ЯКУТСКОГО ЯЗЫКОВ Григорьева Т.И.	44
СЕКЦИЯ №24. ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.21).....	46
ГЕНДЕРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ В КАЧЕСТВЕ КОНЦЕПТА РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ Бойцов И.А., Данкер З.М.	46

ОПЫТ АНАЛИЗА ПЕРЕВОДА ОДНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ Мячинская Э.И.	48
СЕКЦИЯ №25.	
ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ)	
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.22)	50
СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ? Дубровина М.Э.	50
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2016 ГОД	54

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.00)

СЕКЦИЯ №1.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.01)

СЕКЦИЯ №2.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.02)

СЕКЦИЯ №3.

КИНО-, ТЕЛЕ- И ДРУГИЕ ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.03)

СЕКЦИЯ №4.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО- ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.04)

СЕКЦИЯ №5.

ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.05)

СЕКЦИЯ №6.

ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.06)

МЕТОДИКА СОЗДАНИЯ ИНТЕРАКТИВНОГО МУЛЬТИМЕДИЙНОГО ИЗДАНИЯ (КНИГИ)

Лория В.А.

Московский художественно-промышленный институт, г.Москва

Актуальность темы

В настоящее время количество выпускаемых печатных книг неуклонно сокращается, что в ближайшем будущем возведёт их в ранг артефактов. Тем временем электронные интерактивные издания завоёвывают всё большую популярность, обладая притягательной зрелищностью и огромным количеством оригинальных решений, ограниченным лишь фантазией разработчиков. В электронных интерактивных книгах иллюстрации не только обладают анимацией, но и откликаются на действия читателя, что делает чтение таких изданий интересным и запоминающимся.

Ещё несколько лет назад количество отечественных электронных интерактивных книг было невелико, но прошло совсем немного времени, и уже стали появляться интересные новинки.

Что же такое интерактивная книга? Интерактив в изданиях присутствовал ещё задолго до появления различных компьютерных устройств. Нередко среди печатной, особенно детской, литературы можно встретить интересные издания, иллюстрации в которых представляют собой игры и головоломки, а текст изобилует ссылками на дополнительную информацию. Всё это делает чтение книги живым и увлекательным процессом. Интерактивность — это прежде всего общение с пользователем. Раньше ключевым фактором этого диалога была фантазия читателя. Теперь же книги умеют общаться с читателем по-настоящему, откликаясь на его действия с помощью анимации, мини-игр, ссылок на интернет-ресурсы, видеороликов и пр. Электронные интерактивные продукты могут наглядно продемонстрировать устройство механизма, а потом предложить читателю собрать его самостоятельно, они позволяют вертеть предметы на иллюстрациях, давая возможность рассматривать их со всех сторон, могут проиграть упомянутую в тексте мелодию и показать отрывок из фильма.

Создание электронной книги

Рассмотрим процесс создания интерактивного мультимедийного издания на примере дипломного проекта, разработанного студенткой УВО МХПИ Ю. Воробьёвой (руководитель В.А. Лория).

Темой данного проекта было выбрано представление различных областей жизни российского купечества XIX–начала XX вв. В результате проделанной работы было создано электронное интерактивное издание с необычной нелинейной структурой, анимированными иллюстрациями и интерактивными элементами, отзывающимися на нажатие различными интересными действиями. Проработана система удобной, но нестандартной навигации по мультимедийному изданию и схема его работы.

Определение целевой аудитории

Целевая аудитория является одной из важнейших и определяющих категорий процесса медиапланирования. Возраст целевой аудитории книги о купечестве имеет очень широкие границы: этим изданием может заинтересоваться и взрослый человек, и ребёнок.

Пол потребителя в данном случае не имеет никакого значения.

Уровень достатка может быть самым разным, главное, чтобы человек обладал планшетным устройством, которое уже сейчас доступно широким слоям населения.

Социокультурная характеристика целевой аудитории предполагает любовь к книгам и новым технологиям. Интерактивные анимированные иллюстрации заинтересуют любителей игр и мультфильмов. Тема книги имеет исторический характер, поэтому её целевая аудитория по большей части состоит из любителей истории. Книга может также заинтересовать людей, профессии которых перекликаются с её содержанием, например работающих в торговле, предпринимателей.

Отдельно хотелось бы выделить такую группу, как почитатели и коллекционеры интерактивных книг.

Характеристика объекта проектирования

Интерактивное мультимедийное издание о российском купечестве XIX–XX веков для планшетного компьютера содержит восемь анимированных иллюстраций, составляющих одну длинную полосу, которую можно передвигать по горизонтали. Каждая иллюстрация соответствует теме главы и при отпускании автоматически подстраивается под рамки устройства. Глава меняется в нижней части экрана, когда в кадре появляется соответствующая ей иллюстрация. Полоса может сворачиваться вверх, а текст при этом разворачивается на всю страницу. Это сделано для удобства чтения. Книга содержит необычное оглавление в виде анимированной иллюстрации, содержащей в себе объекты, характерные для каждой главы. При щелчке на объект можно моментально перейти к нужному разделу. Таким образом, структура книги отличается от традиционной, а иллюстрации становятся элементами управления переходом между главами. Помимо этого книга содержит интерактивные элементы, отзывающиеся на нажатие конкретными действиями (например, сменой времён суток) и вызывающие дополнительную вкладку с подборкой фотоматериала на определённую тему, причём все фотографии можно увеличить и рассмотреть в более крупном масштабе.

Разработка художественного образа

Для достоверности изображения одежды персонажей и их окружения автором были проанализированы различные фотографии людей и интерьеров XIX века. В результате было создано восемь карандашных эскизов для оформления глав (Рисунок 1), один для оглавления (Рисунок 2) и эскиз для афиши, на котором изображена барышня, одетая по моде конца XIX века, держащая в руках электронное планшетное устройство (Рисунок 3). Афиша служила приглашением на презентацию книги.

Рис.1. Эскиз к главе «Купеческое дело».

Рис.2. Эскиз к оглавлению.

Рис.3. Эскиз к афише.

Рассмотрим последовательность дальнейших действий на примере иллюстрации к главе «Домашний быт».

Для начала необходимо было выполнить трассировку эскизов. Трассировка выполнялась вручную с помощью инструмента «Перо» в программе Adobe Illustrator (Рисунок 4).

Рис.4. Первый этап.

Вторым этапом был поиск тонально-цветовых соотношений. На предметы были наложены градиенты, разработана палитра, содержащая четыре цвета по четыре оттенка на каждый (итого 16 цветов) (Рисунок 5).

Рис.5. Второй этап.

Третьим этапом работы было наложение текстур на предметы. Добавление текстур позволило облагородить предметы, сделать их сложнее, придать материальность, а также за счёт различных режимов наложения разнообразить немного скучную систему цветов (Рисунок 6).

Рис.6. Третий этап.

На последнем этапе происходил тщательный анализ графики и исправление цветовых и тоновых соотношений, а также отдельных предметов, часть которых пришлось перерисовать заново, а часть добавить или, наоборот, убрать. Также изображение стало более гармоничным благодаря добавлению тёмной обводке всех предметов (Рисунок 7).

Рис.7. Четвёртый, завершающий, этап.

Дизайн-концепция

В результате проделанной работы было создано восемь иллюстраций, которые при выставлении по горизонтали образуют единое целое. Как уже говорилось выше, получившаяся лента является элементом управления в приложении. Пользователь может перемещать её по горизонтали с одной картинке на другую. Каждая картинка вызывает соответствующую ей главу. Также приложение содержит иллюстрацию, занимающую весь формат экрана и являющуюся оглавлением, то есть изображённые предметы не только соответствуют содержанию каждой главы, но и объединены в общий сюжет, и при нажатии на конкретный объект пользователь моментально попадает в нужное место в книге.

Технологические возможности

Интерактивное мультимедийное издание предполагает наличие не только анимации, но и объектов, отзывающихся на действия пользователя. В данном проекте интерактив создавался следующими действиями, происходящими после нажатия на объекты: смена времён суток, открывание сундука, зажжение свечи, включение музыки, открывание двери кельи отшельника, смена платья на барышне, плавное исчезновение и появление еды на столе, фотовспышка, появление ценников над товарами на ярмарке, дым из самовара.

Но одного этого для настоящей интерактивности недостаточно, ведь пользователь желает получить некий бонус за свои действия. В качестве такового при нажатии на соответствующие предметы появляется дополнительная вкладка, содержащая тематическую фотоподборку. Все фотографии и картинки можно увеличить и рассмотреть более детально (Рисунок 8). Но использованы не только фотографии — например, в главе «Одежда» появляются картины Кустодиева, а в главе «Купеческая еда» — подборка меню трактира XIX века.

Также книга содержит дополнительные навигационные элементы, например, кнопки изменения кегля или возвращения к оглавлению.

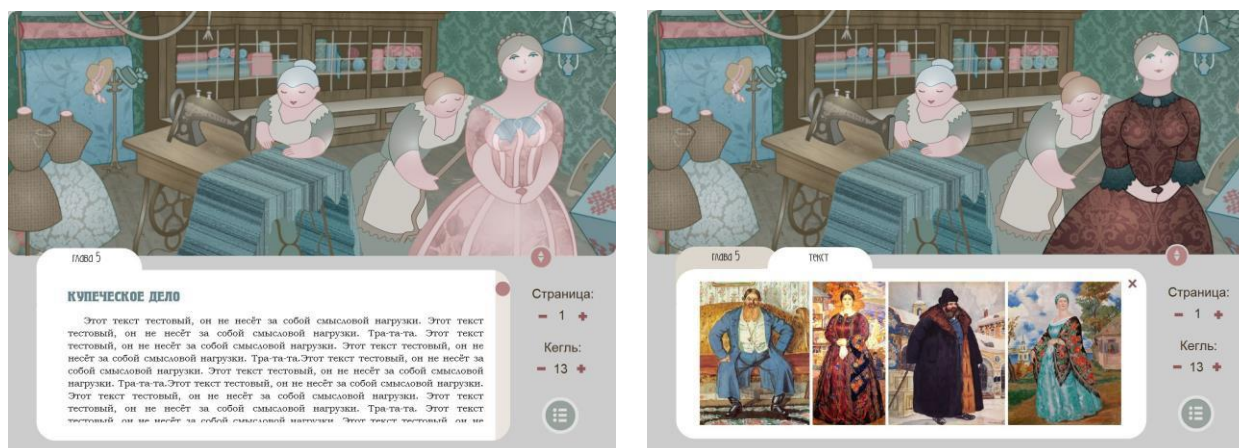

Рис.8. Щелчком по платью вызывается его смена и вызов дополнительной вкладки.

Технические средства

Иллюстрации (9 шт.) Были нарисованы в редакторе adobe illustrator. Интерактивная книга сделана в среде разработки adobe flash cs5 —

Удобном редакторе для создания анимации. Была применена анимация трёх типов: анимация движения, анимация формы и покадровая анимация.

Для управления работой навигационных и интерактивных элементов книги автором был написан программный код на языке actionscript 3.

Для просмотра приложения понадобится flash player 10 и выше или air. Формат книги подстраивается под формат экрана. Интерактивную книгу можно запустить на компьютерах и планшетных устройствах с операционной системой android, windows и ios.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ ПРОТИВНИКОВ В РАМКАХ ГЕЙМ-ДИЗАЙНА КАК ПРОЕКТНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Казакова Н.Ю.

Московский Государственный Университет Дизайна и Технологии, г.Москва

В рамках гейм-дизайна как проектной дисциплины осуществляется разработка четырех важнейших составляющих любого игрового проекта, а именно: игровой механики, используемых технологических решений, сюжета и визуального ряда. В рамках данного исследования рассматриваются особенности проектирования персонажей-врагов, чья борьба с главным героем игрового проекта является не только движущей силой в развитии сюжета, но и оказывает непосредственное влияние на особенности игровой механики во всем ее разнообразии. При этом визуальное воплощение образа противника становится важным этапом в создании целостного и экспрессивного визуального ряда. Важность образа врага или антагониста в игровом процессе сложно переоценить, так как любая игра, начиная с охотничьих обрядов древности и заканчивая современными бизнес-тренингами как формой игровой деятельности, построена на конфликте, будь то конфликт интересов, амбиций или борьба противоположностей. Именно конфликт, помноженный на потери, понесённые героем в результате неудачного исхода столкновения, и поделённый на время, отведённое на решение данного конфликта, является основой драматического напряжения сюжета. Кроме того, сюжет описывает степень опасности, в которой в тот или иной момент геймплея находится жизнь героя. Причем чем выше уровень этого напряжения, тем ближе кульминация [1]. Чем выше ставки в борьбе, которую ведет герой, тем большее напряжение ощущает игрок, при этом наивысшей ставкой является вопрос о жизни или смерти героя. С точки зрения гейм-дизайна крайне важно понимать, насколько высока степень эмоциональной вовлеченности игрока в перипетии жизненного пути героя видеоигр. В целом, это соответствует склонности значительной части пользователей воспринимать практически любой вид игровой деятельности крайне серьезно, что нашло отражение в высказывании профессионального футболиста Б. Шэнкли, сказавшего: «Некоторые люди полагают, что победа в футболе – это вопрос жизни и смерти. Я очень разочарован таким отношением... это гораздо более серьезно». Учитывая, что в каждой шутке есть доля истины, данное высказывание частично объясняет полноту погружения игрока в реалии мира игры [2]. Тип конфликта и вид противников главного героя позволяет выделить следующие категории игр:

- человек против природы (под природой можно понимать как разнообразных монстров и прочие враждебные организмы, так и стихию);
- человек против самого себя и человек против своего прошлого (популярная тема в играх жанра «хоррор» (ужасы), особенно, если герой страдает амнезией);
- человек против человека (в форме пирата, ниндзя, а порой - инопланетян);
- человек против судьбы (данное противостояние лежит в основе сюжета многих ролевых игр, где главный герой пытается изменить предначертанное ему судьбой);
- человек против машины (противостояние героя и не дружелюбной технологии стало основой сюжета многих научно-фантастических произведений и игр в данном стиле);
- человек против сложившейся системы (данный тип конфликта описывает нелегкий путь героя-одиночки, в одиночку противостоящего всему миру, но точно знающего, что его сила в правде). Стоит отметить, что борьба героя и злодея является основой сюжета практически всех шутеров от первого лица и приключений. Создавая персонажи врагов, следует помнить, о соответствии формы функции. Прежде чем бесконтрольно

следовать творческим импульсам и порывам, надо тщательно продумать разнообразные аспекты будущих противников главного героя:

- их размер, определяющий тактику ведения боя со стороны героя, например, противников, значительно превосходящих его ростом, он будет атаковать сверху. В большинстве игр прослеживается закономерность: чем крупнее персонаж, тем больший у него запас здоровья. Кроме того, размер противника оказывает очень большое влияние на его восприятие: рослые соперники внушают ужас, а миниатюрные - зачастую всерьез не воспринимаются. Вот почему боссы традиционно изображаются крупными. Победа над противником колоссальных размеров способна заставить игрока почувствовать себя героем, а над маленьким врагом - просто задирой и хулиганом. К тому же, варьирование роста противников помогает добиться нужной степени разнообразия в геймплее;

- поведение и движения. На основании этого критерия выделяют «патрульных», которые движутся вперед и назад по определенной, зачастую неизменной и легко предсказуемой траектории. «Преследователи» начинают погоню за главным героем, если тот прошел определенную точку-триггер. Во многих играх «преследователь» является разновидностью «патрульного», когда тот заметил героя. Активация режима атаки у неигрового вражеского персонажа срабатывает после визуального обнаружения аватара игрока, на основании производимого им шума, срабатывания сигнала тревоги или обнаружения тела поверженного врага. Практически всегда две из вышеупомянутых разновидностей врагов вооружены и незамедлительно открывают огонь при виде героя. Далее, можно выделить «охранника», чьей основной задачей является охрана какого-либо предмета или места, а не активное преследование героя. Кроме того, бывают еще и «летающие противники», сами пикирующие сверху на героя, или в полете атакующие его с помощью различных видов оружия. Существуют и противники, обладающие краткосрочным состоянием неуязвимости, когда ни одна из атак героя не способна нанести им ущерб. В этом случае, приходится ждать окончания данного периода неуязвимости, достигаемого врагом, например, за счет применения силового поля или осуществления атаки из подземного укрытия. Особенно трудоемким бывает процесс одержания победы над противником, обладающим способностью «телепортироваться», т.е. молниеносно перемещаться в пространстве. Проектируя передвижение такого врага, надо обязательно подумать о том, как игрок может прервать такое перемещение или иным образом воздействовать на противника. Многие враги имеют способность блокировать атаки героя, в т.ч. с помощью щита или иного защитного механизма. Противник-двойник традиционно считается одним из самых сложных врагов, так как он имитирует движения и стратегии героя. Чтобы выиграть бой у подобного соперника, необходимо прежде всего победить себя, т.е. перестроиться на совершенно иной стиль боя и тактику. Если все компоненты, касающиеся поведения и характеристик врагов, подобраны правильно, и реализация искусственного интеллекта, их контролирующего, осуществлена должным образом, то у игрока появится бесценная возможность продумывать разнообразные тактики ведения боя, опираясь на анализ сильных и слабых сторон противника и уровень угрозы, который он представляет. Кроме того, враги различаются между собой по таким показателям, как: скорость, способы атаки, уровень агрессии, уровень здоровья, слабые места и оптимальный способ на этом основании победить данный тип врага. По показателю скорости выделяют немобильных, медленных, быстрых врагов и врагов, перемещающихся со средней скоростью. Очевидно, что чем выше скорость, тем труднее процесс прицеливания и тем больше шансов, что проворный противник нанесет удар первым. Как правило, скорость обратно пропорциональна размеру и силе персонажа: враги небольшого размера крайне подвижны, но довольно слабы, а враги большого размера сильны, но малоподвижны. Противников среднего размера лучше проектировать или быстрыми, или сильными, иначе игрок посчитает игру нечестной из-за того, что у него не будет шансов сравниться с таким врагом. Медлительные враги оказываются опасными и устрашающими, когда действуют не в одиночку, а толпами. Кроме того, у медленного врага может быть быстрая атака, или он может быть практически не уязвим и повергать игрока в панику неотвратимостью своего приближения. Враги со средней скоростью перемещения предсказуемы и позволяют игроку почувствовать себя быстрым, ловким и прозорливым, т.к. от них, как правило, можно легко убежать или сместиться в сторону и бороться с ними в режиме дальнего или среднего боя. Что касается «быстрых врагов», то тут важно выдержать баланс и распределить силы таким образом, чтобы игрок хоть чем-то мог компенсировать нехватку своей скорости. Иначе ничего, кроме раздражения от геймплея у игрока не возникнет, поскольку на него неизвестно откуда обрушиваются удары, а обидчик исчезает в никуда, задолго до появления шанса среагировать и ответить. Главное, чтобы разнообразные типы врагов, у которых вышеприведенные характеристики развиты в разной мере, дополняли друг друга, делая геймплей более разнообразным и интересным. Поэтому важно дать игроку хоть какое-нибудь преимущество, самое очевидное из которых - задать определенную закономерность перемещениям врага, чтобы суметь-таки в нужный момент нанести решающий удар. При разработке стиля и траектории движений врага важно соблюдать их соответствие общему характеру противника, что позволит добиться цельного образа и обоснованности перемещений соперника с точки зрения

геймплея. Важно определить, будет ли враг двигаться по заранее заданному маршруту, или его маршрут будет генерироваться случайным образом. Лучше всего эти два параметра комбинировать для обеспечения оптимальных условий геймплея: ни слишком хаотично, и ни слишком предсказуемо. Особенно интересные траектории движения и сложное поведение может быть задано группе врагов, чья скоординированная атака может стать серьезным испытанием для игрока. При этом, как бы внушительно группа соперников ни выглядела, в большинстве игр в каждый отдельный момент времени атакует только пара-тройка врагов, дабы не ставить героя-одиночку в заведомо проигрышное положение. У врагов может быть столько же способов проявить свою индивидуальность, как и у героя. Можно, например, сделать их осторожными, заставить избегать опасности, а не лезть на рожон. Это сразу же сделает их более правдоподобными в глазах игрока. Источником вдохновения для нахождения уникального стиля боя или разработки траектории перемещения любого персонажа может стать копирование или творческое переосмысление движений различных животных. При этом подавляющее большинство персонажей, ведомых искусственным интеллектом используют особую систему навигации, прорабатываемую гейм-дизайнером и реализуемую программистом с целью определения траектории перемещения вражеского персонажа. Кроме того, движение врага, контролируемого искусственным интеллектом, можно ограничить прозрачной сферой или кубом, в пределах которого он и будет перемещаться. С точки зрения гейм-дизайна важным будет, как именно тот или иной враг вводится в игровой процесс: чем больше драматизма и визуальной экспрессии, тем быстрее и полнее игрок проникнется мыслью, что ему посчастливилось встретить уникального противника, шанс помериться силами с которым является большой честью и удачей. Самыми распространенными способами эффектного представления врага является работа с фокусом камеры или использование стоп-кадра, что позволит игроку лучше рассмотреть врага. Можно использовать приём отображения имени соперника на экране, так как всегда приятно знать, с кем сражаешься. Приемлемо и нарастание напряжения перед появлением противника за счет использования, например, теней и соответствующего звукового ряда. Также важным для проработки является момент и точка «респавна» (генерации) врагов. Этот процесс лучше выносить за пределы экрана, чтобы, во-первых, не портить правдоподобность баталий, а, во-вторых не позволить игроку победить всех противников еще на стадии их генерации. Стоит продумать и процесс трансформации тел поверженных врагов: будут ли они бесследно исчезать, или же тела отправятся в последний путь с впечатляющими визуальными эффектами в виде дыма, пламени, искр или предсмертной агонии. В любом случае, главное при работе над врагами, чтобы борьба с ними была захватывающей и приносящей игроку удовольствие. Чтобы этого добиться, гейм-дизайнер должен найти способы мотивировать игрока ввязаться в бой, а не пытаться сохранить силы и время, и тем самым избежать конфликта. Добиться этого можно: за счет наличия ценных внутриигровых предметов у поверженных врагов; размещения ценных предметов на пути следования игрока и отсутствия возможности их обойти; блокирования врагами возможности дальнейшего игрового процесса, где, лишь победив их, можно идти дальше; победы над врагом как способа повышения игровых характеристик персонажа, таких как сила, уровень здоровья и т.д.; проектирования настолько интересных сражений, что они сами собой являются наградой и стимулом к прохождению игрового уровня. Чтобы битвы выглядели захватывающими, надо сделать врагов достойными и сильными противниками. Поэтому приемы рукопашного боя (в случае отсутствия у противников рук, щупальца, клешни и т.п. также могут быть использованы в ближнем бою), применение различных типов вооружения, способность наносить удары на большом расстоянии, в т.ч. заклинаниями и иными магическими способами, а также способность причинять перманентный значительный ущерб здоровью являются залогом формирования насыщенного боевого геймплея. Также не лишним будет проработать особую анимацию, подсказывающую герою, что его вот-вот атакует противник, например, характерный боевой клич вкупе с угрожающими движениями конечностями или оружием. При проектировании визуальных решений врагов желательно умело комбинировать стереотипы [3], упрощающие понимание происходящего на экране. К ним относятся: наличие клыков, красных глаз, шипов и т.д. во внешности врага, с необычными атрибутами или паттернами поведения, отчего сцены битв с врагами становятся запоминающимися. Что бы враг ни делал и как бы он ни выглядел, он должен постоянно быть крайне неприятен герою, вплоть до полного антагонизма. Хороший способ этого достичь - привнести толику индивидуальности в характер врага, что потребует разработать озвучивание и анимацию издевок и насмешек, способных довести до белого каления даже самого терпеливого и спокойного героя.

Список литературы

1. Dille F., Platten J. The ultimate guide to video game writing and design. – Random House, Inc., New York, 2007. – С. 26
2. Juul J. The art of failure: an essay on the pain of playing video games. – The MIT Press, 2013. – С. 123

3. Rogers S. Level up. The guide to great video game design.- A John Wiley & Sons, Ltd., Publications, 2010.- С.314

СЕКЦИЯ №7.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.09)

КУЛЬТУРОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.00)

СЕКЦИЯ №8.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.01)

КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА И АРТ-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПОНЯТИЯ, ЦЕЛИ, ВЗАИМОПЕРЕСЕЧЕНИЕ

Митасова С.А., Маковец Л.А.

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, г.Красноярск

Современное педагогическое пространство предлагает множество различных теорий и концепций, имеющих такую благую цель как воспитание и развитие полноценной личности, способной быть ответственной перед обществом и самой собой.

Например, в «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» [4], которая декларируется как методологическая основа разработки и реализации Федерального государственного образовательного стандарта общего образования, четко указано, что выпускник образовательного учреждения должен быть высоконравственной и творческой личностью, инкультурированной в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации.

Какими же способами собирается российское образование воспитывать эти качества личности? Язык искусства изменился настолько сильно, что современной молодежи он непонятен и чужд, он кажется слишком простым, не требующим усилий. С точки зрения некоторых представителей студенческой молодежи, «мошенничество» в искусстве началось уже с «Черного квадрата» Малевича, потому что даже они, не имея специального образования, «смогут так нарисовать».

В наш век информационных технологий и постмодернизма, когда всеядность и вседозволенность уже стали нормой, необходимо менять подходы к преподаванию искусства. Давно укоренившееся представление о том, что искусство способно воспитать высоконравственную и творческую личность уже не может быть принято на веру априори следующими поколениями, это утверждение требует доказательства и подтверждения, так как китч и псевдохудожественная продукция нередко выдаются за подлинное искусство.

Арт-педагогика, понимаемая как наука, которая помогает стать гармоничной личностью средствами искусства, вступает сейчас в некоторое противоречие с официальной образовательной системой. С одной стороны, развитие креативности и творческого начала в ребенке приветствуется и декларативно провозглашается в стандартах нового поколения. С другой стороны, мы знаем, что есть программа художественного образования, которую необходимо выполнять, есть оценки и отчеты учителей, есть, наконец, огромное количество педагогических кадров, которые не могут и никогда не смогут выстроить диалоговые отношения с ребенком, выйти из роли наставника.

В этом случае, арт-педагогическая среда должна быть шире, чем школа или университет. Под арт-педагогической средой мы понимаем искусственно организованное пространство, в котором личность имеет возможность искать и открывать для себя культурные коды и личные смыслы посредством произведений искусства.

По нашему мнению, арт-педагогическая среда имеет множество точек взаимодействия с культурной средой.

Само понятие «культурная среда» имеет неоднозначную трактовку. Например, в Пояснительной записке к проекту закона «О культуре в Российской Федерации» говорится, что важной задачей является сохранение

традиционных культурных ценностей, которые должны рассматриваться как основа для развития культурной среды в современной России. Культурная среда, фундаментом которой служит культурное наследие, может успешно противостоять натиску современной массовой культуры, отвечать на вызовы времени [5]. Культурное пространство понимается как сфера распространения определенных устойчивых ценностей, традиций и верований, обеспечивающих существование и развитие культуры и обладающих преемственностью. В идеале должна сформироваться такая культурная среда, в которой бы транслировались традиционные ценности российской культуры, основополагающими из которых являются патриотизм, социальная солидарность, гражданственность, семья, здоровье, образование, природа, труд, творчество, наука, духовно-нравственные установки.

Цели создания культурного и арт-педагогического пространств схожи. В том и другом случае речь идет о таком идеальном локусе, где бы личность чувствовала себя в гармоничном единстве с собой и обществом. На наш взгляд, понятие «культурная среда» намного шире и может включать в себя не только произведения искусства, но и природные объекты, а также все многообразие объектов культуры. Важнейшим условием ее организации являются принципы гуманизма, разнообразия, возможности социально приемлемого самовыражения, синтетичности.

Вариантов организации арт-педагогической среды может быть огромное количество в зависимости от педагогических задач: от ознакомления детей с видами искусства до самостоятельного проектирования самой этой среды.

Арт-объекты известны как произведения искусства, создающие психологический комфорт личности за счет формирования городской среды,

формирующие дух места, позволяющие уйти от скучной типовой застройки, формирующие сомасштабные человеку городских пространств [3]. Большинство современных арт-объектов создаются с утилитарной целью, это, прежде всего, реклама всевозможных товаров и услуг. Коммерциализация затронула все сферы культуры, не исключая искусство.

Педагогическая функция произведений искусства известна с глубокой древности, в частности, знаменитая теория катарсиса Аристотеля. Мы далеки от утверждения необходимости назидательности и нравоучительства в духе соцреализма в современных арт-педагогических объектах. Особенность современной интерпретации педагогической функции арт-объектов состоит в их суггестивной силе и уместности расположения в культурной среде. Современная креативность художников представляет собой, по большому счету, интерпретацию художественных традиций прошлого. Объективной чертой постмодернизма является тенденция эпатажности и скандальности для привлечения внимания и возбуждения эмоций отвращения, негодования и даже физиологической брезгливости.

Представляется, что арт-педагогическое пространство необходимо организовывать, руководствуясь принципами «гуманистической сомасштабности» и «суггестивной незаметности». Необходимо, чтобы окружающие человека арт-объекты не поглощали его размерами или ошеломляли китчевостью, а способствовали настрою на гармоничный лад, чтобы попадая в такую среду, человек мог сосредотачиваться на самом себе, своих смыслах, а произведения искусства действовали «мягкими» средствами.

Именно благодаря тому, что в современном мире возникло огромное количество манипулятивных средств, действующих на бессознательное в коммерческих целях, то на первый план выходит именно организация среды, где невозможно точно определить какой арт-объект на тебя влияет, но атмосфера смысловой самопогруженности достигается синтезом разных видов искусств. Мы действительно сейчас стоим на пороге «новой синтетичности», когда размыты границы реальности и виртуальности, и возможности трансформации сознания практически бесконечны. Современный человек, как и тысячи лет назад, обречен все время искать жизненные смыслы, разница заключается лишь в том, что выбор возможных ответов слишком велик. И если классическое искусство, религия, философия помогали найти ответы, то современные культурные формы, наоборот, уводя от готовых ответов, заставляют человека с неизбежной настойчивостью обратиться к самому себе.

Идея синтеза искусств не нова, и в истории художественной культуры можно встретить огромное количество примеров. Известно, что методы и приемы артпедагогики развивают и усиливают внимание к эмоционально-чувственной сфере ребенка, предоставляют возможность для его самопознания, помогают приобрести коммуникативные навыки и опыт творческой работы в коллективе, развивают воображение и творческое мышление.

Особенность современной арт-педагогической среды заключается не в том, что искусство выступает, в первую очередь, средством для самовыражения и самопогружения личности, приобретения навыков рефлексии и эмоционального контроля. Это среда «воспитания чувств», без которых развитие целостной личности невозможно.

Выстраивание культурной среды – это общее дело для многих ведомств и каждого гражданина в частности, и в ней важнейшее значение имеет арт-педагогическое пространство, которое может стать «оазисами» самобытия личности.

Список литературы

1. Артпедагогика и арттерапия в специальном образовании / Е.А. Медведева, И.Ю. Левченко, Л.Н. Комиссарова, Т.А. Добровольская – М.: Академия, 2001. - 248 с.
2. Донская Т.К. Арт-педагогика в современной образовательной парадигме// Наука. Искусство. Культура. Выпуск 2. 2013. С. 144-152.
3. Достовалова А.В. Арт-объекты в городской среде – [Электронный ресурс] – URL: http://archvuz.ru/2015_22/21 (дата обращения: 10.03.2016).
4. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования: проект/ А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков. Рос. акад. образования. – [Электронный ресурс] – URL: <http://gigabaza.ru/doc/73866.html> (дата обращения: 14.04.2016).
5. Пояснительная записка к проекту закона «О культуре в Российской Федерации» – [Электронный ресурс] – URL: <http://depculture.tomsk.gov.ru> (дата обращения: 13.10.2015).

МЕСТО И ЦЕЛЬ ИМАЖИНАЛЬНОЙ И КОГНИТИВНОЙ ГЕОГРАФИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

Юрьева А.В.

Санкт-Петербургский Государственный Университет Промышленных Технологий и Дизайна, г.Санкт-Петербург

В последние десятилетия в отечественной науке активно развивается направление, складывающееся на стыке различных гуманитарных дисциплин, именуемое гуманитарная география. Цели и задачи ее часто пересекаются с социальной, экономической, политической географией, а вот необходимость ее появления, очевидно, была продиктована изменениями во многих научных областях. Как справедливо отметил один из исследователей в области гуманитарной географии И.Митин, в последние годы произошел поворот в сторону объемного изучения пространства, который так и был назван - «пространственным поворотом». Философские, семиотические, социально-антропологические, когнитивистские методы стали активно использоваться в новом направлении – гуманитарной географии.

Эта особенность частично связана с укрупнением предметной области некоторых дисциплин, желании сфокусироваться не только на узкоспециальном объекте, а подвергнуть анализу происходящие процессы во взаимодействии с внешним пространством. А с другой стороны, она берет начало в расширении самого объекта географического знания, связанного с новым взглядом на проблему в комбинации человек – пространство. Эта мысль не нова, но только теперь, кажется, в русле гуманитарной географии она может реализоваться в полной мере. Очевидно, что в тандеме культура - пространство главенствующая роль отводится символизации, а это значит, что мы имеем дело, действительно, со столкновением различных дисциплин, начиная с семиотики, культурологии, искусствоведения, и заканчивая когнитивистикой и даже, возможно, нейробиологией.

В связи с этим, существует некая путаница в разграничении гуманитарной и культурной географии, этой проблеме посвящены многие статьи и материалы в отечественной научной прессе. Реальные и потенциальные пересечения их предметных областей до сих пор остаются спорными, однако, в науке все же наметились более-менее устоявшиеся их дефиниции. Один из основоположников отечественной школы Д.Н. Замятин полагает, что гуманитарная география — это «междисциплинарное научное направление, изучающее различные способы представления и интерпретации земных пространств в человеческой деятельности, включая мысленную (ментальную) деятельность. В отличие от культурной географии она может включать различные аспекты изучения политической, социальной и экономической географии, связанные с интерпретациями земных пространств» [1].

В свою очередь, культурная география «занимается изучением многочисленных аспектов культуры, обнаруживаемых по всему миру и то, как они связаны с пространствами географическими точками, в которых происходят культурные события, и вместе с тем исследует то, как люди перемещаются по различным направлениям»[8]. Встречаются варианты описания этих гуманитарной и культурной географии синонимичных, либо с поглощением гуманитарной географией культурной. Чаще всего основанием для такого пересечения

служит понимание первой как более общей дисциплины. Но вместе с тем, существует альтернативная позиция, которая рассматривает науки о культуре в большом контексте антропологического знания, и поэтому включение культурной в гуманитарную географию с этой точки зрения невозможно. Скорее, здесь можно говорить о взаимодействии культурологии и культурной географии. Очевидно, что в этом вопросе еще предстоит некоторые уточнения, которые окончательно разграничат или сольют воедино эти два направления.

Теперь обратимся к узконаправленным течениям в русле гуманитарной географии - имажинальной и когнитивной – получившим свое развитие в отечественной науке последних лет. Воспользуемся для уточнения определением образной (имажинальной) географии, которое дает опять же Д.Н. Замятин. Как он пишет: «имажинальная география изучает особенности и закономерности формирования географических образов, их структуры, специфику их моделирования, способы и типы их репрезентации и интерпретации»[4]. В понятийный аппарат имажинальной географии включаются: «гений места», «поэтика пространства», пространственный миф, региональная идентичность, географический образ. Последний же является определяющим и его следует понимать как пространственное представление, модель определенного географического пространства. В конечном итоге, это некая когнитивная интерпретация места, наполненная символическим значением. Но в сами образы включаются еще автономные пространства, к примеру, в географические образы Петербурга входит несколько составляющих: «северная столица», «окно в Европу», «северная Венеция», «столица русской провинции», которые в различные исторические моменты становятся доминантами или накладываются один на другой[2].

Помимо этого существует графическое описание образа территории, которое именуется образно-географической картой, что позволяет создавать изображения, показывающие пересечения географических образов. Для более глубокого их изучения принято создавать цепочку образно-географических карт, что дает возможность при бесконечном числе вариаций воображения создателя этих карт, выявлять их смысловые связи, но применимые для одного и того же пространства. Это имеет двойную цель, с помощью которой, с одной стороны, возможен анализ когнитивных механизмов создания образов, а с другой, обнаруживается его явный синтетический характер, основанный на совокупности культурных, географических, исторических, политических представлений.

Безусловно, исследования в этой области эти еще только набирают обороты, разрабатывается понятийный словарь, но вот практическое их применение уже четко объективируется. К примеру, в маркетинге территорий, рекламе, PR, туристическом бизнесе, инвестиционной деятельности, а так же там, где имеется связь с проектами в сфере литературы, визуальных искусств, архитектуры. К примеру, для создания имиджа определенной территории составляется когнитивная схема развития географического образа территории – основного понятия имажинальной географии. Схема состоит из разработки некоторой последовательности: возможные бренды; архетипы; типовые образы; метафоры и метонимии; визуальные символы, знаковые места; ключевые тексты, мотивы презентации. В совокупности эта последовательность служит устойчивой базой для начального этапа создания имиджа территории и когнитивных схем развития образов. Что подтверждает явный прикладной характер имажинальной географии.

Теперь следует обозначить область интересов географии когнитивной. Она связана с изучением пространственных представлений, механизмов их формирования и использования в деятельности человека. В рамках этого направления существует своя внутренняя градация, выделяющая равнозначные исследовательские пласты. Первый - психогеографический, который связан с механизмами восприятия пространственной информации. Второй – социогеографический, исследует массовые пространственные представления, стереотипы, оценки и поведение людей. Третий - культурно-географический, который определяется пространственными представлениями, закреплёнными и используемыми в культуре. И, наконец, четвертый, лингвогеографический, связанный с пространственными представлениями, закреплёнными и используемыми в языке[5]. Таким образом, исследования локализуются в нескольких областях: язык, мышление и поведение человека.

В связи с этим наиболее интересным элементом когнитивной географии можно назвать понятие языкового образа пространства, связанного с пространственными представлениями носителей языка конкретной территории. Безусловно, в лингвистике уже существуют близкие по смыслу определения, к примеру, языковая картина мира, которая понимается как результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием того или иного языкового сообщества[7]. Однако, структура языкового образа пространства зачастую наполняется внеязыковыми факторами – природным окружением, типом расселения, хозяйства, этническим составом населения, религиозно-мифологическими представлениями, что конкретизирует это понятие и отличает его от языковой картины мира.

Так же в рамках когнитивной географии выделяется когнитивные пространственные сочетания (КПС), которые формируются сознанием в виде бинарных пространственных представлений (центр-периферия, север-

юг). В дополнение к этому часто происходит перенос образа одного географического объекта на другой («Иваново – русский Манчестер», «Новосибирск – не Омск»), когда смысл представлений создается один за счет другого. Отличительными особенностями КПС становятся: понимание КПС как сочетание взаимосвязанных представлений, каждое из которых соотносится с определенной территорией. А также «представление об одной или нескольких территориях, соотносимых с данной, оказывает существенное влияние на формирование представлений о ней» [2]. От привычных нам семантических сочетаний, пространственные основаны именно на культурных представлениях о территории. В этом обнаруживается особое назначение когнитивной географии – исследование факторов и условий, при которых происходит формирование тех или иных когнитивных пространственных сочетаний.

Еще одним важным элементом когнитивной географии можно считать когнитивно-географический контекст, включающий в себя «поле географических образов, актуальное в той или иной ситуации» [6]. Исследования в этой части происходят в русле лингвистических методик, когда предполагается анализ высказываний о географических объектах в определенных смысловых рамках. Однако географические образы, входящие в состав контекста не всегда могут быть взаимосвязаны, как это происходит на примере образно-географической карты. Тем не менее, они согласуются именно по своей структуре. Как видно из приведенных здесь примеров, мы имеем дело в первую очередь, конечно, с географией, будь она имагинальная или когнитивная. Изучение идет сначала от территории, а потом уже от способов и механизмов ее восприятия или символизации человеком. Но, как подтверждают оба этих направления гуманитарной географии, мы можем рассматривать ландшафт и человека только во взаимодействии.

И в заключение хотелось бы вспомнить известного американского ученого И-Фу Туана, который ввел понятие топофилия, обозначающее чувство привязанности, особую эмоциональную связь человека и пространства, которое выражается в визуальном удовольствии, получаемом от созерцания ландшафта, или ощущении гордости и ностальгии от конкретного места. Таким образом, ландшафт приобретает глубокое символическое значение, основанное на картине мира созерцателя, его культурных, религиозных, мировоззренческих ценностях. Далее происходит и сакрализация этого пространства, наделение его глобальными философскими категориями «космос-хаос», «священное-мирское», в результате чего ландшафт становится выразителем этих смыслов. Поэтому, исследуя культурный ландшафт в рамках имагинальной и когнитивной географии, мы имеем дело со сложной и многокомпонентной системой, все части которой выполняют определенные функции.

Научные исследования в области имагинальной и когнитивной географии в последние годы, безусловно, усилились, но, тем не менее, они являются разрозненными вспышками интереса ученых. Закрытие журнала и отдела исследований по гуманитарной географии при Институте культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, где впервые был создан прецедент подобной практики в нашей стране, ухудшили положение. А важность этого дела ощутили на себе многие научные дисциплины, которые оценили междисциплинарность и большую вариативность подходов гуманитарной географии. Поэтому, хочется обратить внимание на особенную актуальность и значимость в продолжении и поддержке подобных начинаний.

Список литературы

1. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. Т. 9. № 3. 2010. С. 26–27.
2. Замятин Д., Замятина Н., Митин И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы. М., 2008. С. 189.
3. Замятин Д.М., Замятина Н.Ю., Митин И.И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические выводы. М., 2008. С. 118.
4. Замятина Н. Имагинальная (образная) география // Гуманитарная география. Вып 4. М., 2007. С. 291.
5. Замятина Н. Когнитивная география // Гуманитарная география. Вып 2., М., 2005. С.339.
6. Замятина Н. Когнитивно- географический контекст // Гуманитарная география. Вып. 4. М., 2007. С. 302.
7. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003. С. 112.
8. Уваров М.С. Культурная география в культурологической перспективе (аналитический обзор) // [http://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/04_2011/IJCR_04\(5\)_2011_Uvarov.pdf](http://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/04_2011/IJCR_04(5)_2011_Uvarov.pdf)

РАЗВИТИЕ МУЗЕЙНОЙ КУЛЬТУРЫ, ПОД ВЛИЯНИЕМ ЧЕЛОВЕКА XXI ВЕКА

Шутова О.В.

Ульяновский педагогический университет, г. Ульяновск

Аннотация. В статье говорится о развитии музейной культуры, под влиянием человека XXI в., о возникновении новых форм подачи материала в музее.

Ключевые слова: музейная культура, человек XXI в., интерактивность, музей, культура.

XXI в. музейной культуры характеризуется противоречием между информационным изобилием и нехваткой знаний. К.Ф.Каткова выделяет моменты в понимании сущности культуры: «во-первых, культура передается, она составляет наследство или социальную традицию; во-вторых, это то, чему обучаются, культура не является проявлением генетической природы человека; в-третьих, она является обще принятой» [1, с. 75 – 79]. Таким образом, можно сделать вывод, что культура, двухгранна, с одной стороны – это результат, т.е. продукт, а с другой – система человеческого взаимодействия. Человек и культура взаимосвязаны между собой, поэтому музейная жизнь является отражением человека XXI в. Музей трансформируется, превращается в институт внутрикультурного развития, способствует расширению жизненного горизонта человека, который является музейным посетителем. Посетитель становится новым культурным потребителем, он не сконцентрирован на получении знаний, сколько на удовольствии и эмоциях, которые получает от увиденного, услышанного и исследуемого.

От человека XXI в., который устремлен вперед, обладающий дефицитом времени, но имеющего желание многое успеть и узнать, требуется обустройство мира культуры. Для этого необходимы: особые действия, новые формы работы сознания. В связи с этим, мы видим появление в музейной среде сенсорных киосков, которые являются неким отражением человека закрытого от окружающих, но полного информацией. Все больше музеев заменяют традиционные экспонаты на информационные, интерактивные, мультимедийные, таким образом, меняя восприятие современного человека и позволяя в собственном ритме пользоваться информацией. Такие пособия в музейной культуре способны рассказать не только о науке, но и развить воображение, моторику (это важно для маленьких детей), интуицию, способность нестандартно мыслить в мире культуры. Культура требует от человека умения работы с самой информацией, а не просто осмысления и правильного восприятия.

Мы можем наблюдать рост информации, возникновение новых смыслов, появление отраслей знаний – это все является свидетельством быстрого преобразования культуры и ее развития, музей является уникальным результатом взаимодействия культуры и разума человека.

В связи с этим, мы видим в музейной среде сенсорные киоски, которые являются неким отражением человека, человека закрытого от окружающих, но полного информацией.

Современные технологии позволяют быстро получать нужные знания. Например, об одном экспонате или о всем музее в целом. Культура XXI в. дает возможность выбора, реализации идей, самостоятельного принятия решения. Таким образом, мы видим, что человек влияет на культуру и формирует ее, и культура влияет, воспитывает мировоззрение человека.

Развитие музейной культуры, под влиянием человека XXI в., является актуальной темой. Так как растет число музеев, изменяется мировоззрение человека, он становится самостоятельнее, его сложнее удивить, поэтому культура старается формировать новые формы подачи информации, не только для подготовленного слушателя, но и для малышей. Нельзя не согласиться с Л. М. Шляhtiной в том, что «современный мир знаний характеризуется глобализацией, непрерывным увеличением объема информации, стремительным развитием информационных технологий» [5, с. 14 – 19]. В результате чего мир получает информационное насыщение, но не дополучает знания. Поэтому появляются интерактивные, образовательные, мультимедийные программы, которые пополняют музей новыми красками. Мы видим, что музей – как отражение культуры, перестает быть серым и скучным, теперь здесь можно посетить мастер-классы, интерактивные выставки, поучаствовать в выставках и квестах. Музей становится общеобразовательным центром.

Современный музей характеризуется непрерывным увеличением объема информации и стремительным развитием мультимедийных, интерактивных, образовательных технологий. «Музейный мир переживает серьезные трансформации, обусловленные современными социальными вызовами»

[4, с. 12 – 18], которые отражаются в развитии культуры. Изменение взглядов на культуру, это право за каждой эпохой на собственное видение мира. Человек XXI века, получил право вести диалог с культурой, таким образом происходят переосмысления феномена культурной музейной среды. Такие изменения позволяют создавать мультимедийные, развивающие, интерактивные программы для детей. Например, в историко-

краеведческом музее «Нарвская застава» [6] интерактивная экскурсия для детей «Волшебный мир музея» [6]. Занятие проводит Музейная фея, которая в игровой форме знакомит ребят с экспозицией, где им предстоит выполнить различные задания и разгадать загадки зала княгини Дашковой. Такие программы способствуют формированию культурного сознания у детей, знакомят с историей в игровой форме, учат общаться и находить ответы на вопросы.

Музей, по мнению Е.Н. Мастеницы, становится «одним из факторов развития культурологического сознания, поскольку он может оказывать одновременное воздействие на интеллектуальную, эмоциональную и нравственную сферу личности ребенка» [3, с. 51 – 53]. Одним из примеров краеведческих музеев может быть «Ульяновский областной краеведческий музей имени И.А.Гончарова» [7]. Он создает интерактивные программы для дошкольников, школьников, которые способствуют развитию кругозора, мышления, а так же знакомят с историей края. Например, интерактивно-образовательная программа «Муравляндия» [7] для детей дошкольного и младшего школьного возраста, которая знакомит ребят с жизнью и правилами поведения муравьев. Детям предлагается не только послушать рассказ экскурсовода, но и поиграть в интерактивную игру, поучаствовать в викторине и совершить увлекательное путешествие в страну Муравляндия [7].

«Музейные и выставочные пространства в XXI в. продолжают радикально и стремительно меняться, раздвигая границы реальности они выходят в городскую среду, природный ландшафт, осваивают памятники архитектуры, заброшенные промышленные и транспортные сооружения, активно проникают в медиасреду и становятся ее частью» [2, 19 – 26]. Таким образом, привлекая к себе еще больше внимания посетителя.

Изменение роли человека – является главным содержанием модернизации музейной культуры. Человек, уже не является просто посетителем- потребителем, его роль становится значительнее, он превращается в полноправного участника, партнера. С этим связана основная идея музейной культуры, строящая свою работу на базе развития интерактивных форм. Музейные сотрудники теперь заинтересованы не просто транслировать свои знания, а получать мнения, отзывы, новые идеи и внедрять их в музейную культуру. Делаем выводы, что деятельность современных музеев не стоит на месте, музеи развиваются и разрабатывают новые образовательные программы. Например, отделом образовательных программ было разработано: «Здравствуй, музей!» [7], «История моей Родины на предметах старины» [7], «Героями не рождаются» [7], «Путешествие в Симбирскую страну» [7], «Реабилитация сквозь культурную призму музея» [7], «Знай и люби свой край» [7], «Мы и природа» [7], «Знаменитые люди нашего края» [7]. Которые помогают преподавателям, учителям и воспитателям в образовательной системе закреплять полученные знания или узнавать что-то новое. Музейная культура становится разнообразнее, где каждый может найти что-то для себя. Музеи разрабатывают специальные абонементные программы, которые позволяют получить знания порционно, такой способ подачи материала способствует лучшему усвоению и неперегружению дошкольников и младших школьников, так как мы знаем, что концентрация внимания у них не более 30 мин. Такие музейные занятия, как правило, сопровождаются интерактивным материалом и игровой деятельностью. Дети вовлекаются в процесс и становятся не просто посетителями, а главными участниками действия.

Музейная культура развивается под влиянием человека и развиваясь оказывает влияние на самого человека. Поэтому мы видим в музейной культуре появление нестандартных решений в оформлении экспозиции или музейного пространства, так как музей выходит на прямой диалог со своим посетителем, он стремится познать его интересы, мировоззрение и духовную составляющую. Познавая человека XXI в. музейная культура перестраивается и меняется.

Список литературы

1. Каткова К.Ф. Социокультурный подход в изучении функций современного регионального музея // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. №6 (56): в 2-х ч. Ч.2. С. 75 – 79.
2. Мастеница Е.Н. Музейный мир в XXI в.: векторы развития // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. СПб.: Гос. университет культуры и искусств, 2015. Том 212. С. 19 – 26.
3. Мастеница Е.Н. Эстетическое развитие ребенка в музейной среде и современные образовательные технологии // Музейная среда в формировании человека культуры. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2000. С. 51 – 53.
4. Шляхтина Л. М. Современная музеология: горизонты теоретизирования // Вопросы музеологии. СПб.: Гос. университет, 2013. №1 (7). С. 12 – 18.
5. Шляхтина Л. М. Современный музей: идеи и реализации // Вопросы музеологии. СПб.: Гос. университет, 2011. №2. С. 14 – 19.
6. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL:<http://narvskaya-zastava.ru/>

СЕКЦИЯ №9.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.03)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.00.00)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.00)

СЕКЦИЯ №10.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.01)

ПОЭТИКА ПОСТМОДЕРНИЗМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

Милославская В.В., Бондаренко О.В., Кострулева И.В.

Северо-Кавказский федеральный университет, г.Ставрополь

Отдельные периоды в развитии искусства слова XX века были не похожи друг на друга и различались не только действием общелитературных закономерностей, но и философскими концепциями, на которых основывалась или внедрялась литература в сознание читателей.

Во второй половине XX века в философии появляются специальные исследования воображаемых виртуальных миров, а также их семантики, и именно фантастика способна была предоставить философии своеобразное пространство для развертывания экстравагантных концепций и уникальные инструменты моделирования и экспериментирования.

Фантастическая литература оказалась весьма чувствительна к постмодернизму, ведь его главный эстетический принцип – моделирование мира на основе синтеза реальности, окружающей автора, и мира, созданного человеческим воображением, причем граница между ними абсолютно проницаема. В постмодернистской культуре миф, сказка, мифологические сюжеты, персонажи и мотивы позволяют расширять художественное пространство воплощаемой реальности. Для эстетики постмодерна совершенно правомерным является помещение писателями традиционных сюжетов, идей, образов в новое субпространство. Фантастические миры убедительно и емко воплощают философию постмодернизма: в них абсолютно естественна «хаотичность» бытия, алогизм, рефлексия, скрытое цитирование (призванное убедить в реальности «нового» мира за счет включения в текст элементов уже существующих текстов) и т.д. [2; С. 3]. Фантастика выступает в роли интеллектуально-художественного эксперимента. Конструктивная основа фантастического произведения заключается во введении в пространство реальной жизни пространства фантастической реальности, и само произведение строится на противоречии этих двух пространств. Таким образом, создание новых образов требует качественной трансформации реальных объектов.

Братья-соавторы Аркадий и Борис Стругацкие являются одними из ярчайших представителей отечественной фантастики. Их творчество пришлось на конец 1950-х – 1980-е гг. Братья Стругацкие очень быстро стали популярными писателями, завоевав симпатии читателей сначала книгами о романтике космических полетов и освоения дальнего космоса, затем – детективным сюжетом, философской проблематикой. Самые первые их произведения строго придерживались канонов «образцовой» научной фантастики. Но с середины 1960-х гг. Стругацкие создают произведения, во многом повлиявшие на развитие отечественной фантастической литературы. В своих книгах они поднимали сложные морально-этические и социальные проблемы, пытались изобразить реальных людей в фантастических ситуациях. Именно в их книгах совершился окончательный переход от фантастики – «средства пропаганды научных идей» к фантастике как литературе. Стругацкие первыми среди писателей-фантастов стали трактовать фантастическую идею не как цель, а как способ для

наилучшего выявления чувств, характеров и мыслей героев произведения. Это направление в западном литературоведении получило название «фантастика размышлений».

Проза Ефремова и Стругацких создала две основные стилевые и содержательные отправные точки в русской фантастике второй половины XX века: литература ответов, глобальных прогнозов в отношении будущего, преимущественно социального плана, и литературы вопросов, оригинальных предположений, гипотез, берущих начало в настоящем, отличающихся философским подходом к осмыслению действительности.

Стругацкие уже в произведениях 1960-х гг. свободно реализовывали постмодернистские стратегии художественного письма. Так в повести «Улитка на склоне» сочетанием различных дискурсивных практик авторы создают определенную коллажность повествования, а само произведение являет собой экспериментальное воплощение постмодернистской картины мира. В результате текст основывается на снижении/возвышении образа, что возвращает к постмодернистскому дискурсу, где нет главного и второстепенного, ложного и истинного, а мир – абсурдное смешение смыслов. В этой повести представлен мир, неотличимый от сна (сон переходит в реальность и наоборот). Сонная бредово-наркотическая раздвоенность бытия-сознания является здесь гарантом некоей условной стабильности, что в полной мере раскрывает системообразующий принцип прозы Стругацких – полиреальность (равноправное существование в тексте двух и более реальностей). Стирается грань между сном, мифом и реальностью, жизнью и смертью [2; С. 159]. Блуждания героев неотличимы от реальных, сон имеет ту же значимость, как явь, до и сам вопрос, что есть сон, что явь, а что смерть, по сути, не имеет ответа в пространстве текста-лабиринта. Избыточная точность описаний, постоянная, как бы невольная фиксация случайного, необязательного постоянно удерживают читателя в «текстуальном пространстве жизни». Каждая строка текста представляет собой мини-пьесу и полна действия – «арабский нарратив». Таким образом, в повести «Улитка на склоне» область наложения одного мира на другой, поле совпадения этих миров – это и есть реальный мир жизни героев, прошедших через испытание каждым изначальным элементом системы. В результате разрушения каждого из этих фрагментов выстраивается новый мир, вмещающий исходные элементы и новое, привнесенное соединение реальностей, прежде воспринимаемых автономно.

Сознательное цитирование классического наследия, вырванное из привычного контекста, преломляет исходные тексты в разных ракурсах. Важная особенность постмодернистских произведений – дискретность повествования, которая нарушает логичность сюжета и отвергает привычные принципы организации самого текста. Таким образом, сам текст как бы «дробится» на отрывочные кадры. Текст основывается на противоречиях, диссонансах, взаимном противопоставлении разнородных форм, граница между текстом и его интерпретацией стирается. Задается универсальность текстового пространства, в котором сочетаются рациональность и иррациональность, задается равноправие реального и потенциально возможного и заведомо фантастического. В итоге появляется множественность смыслов, неисчерпаемых ввиду бесконечности гипертекстовых связей и отсылок постмодернистского текста.

Творчество А. и Б. Стругацких вписывается в контекст постмодернистской поэтики. Мифологизм, интертекстуальность, ирония как одни из определенных доминант постмодернистской поэтики в произведениях Стругацких 1960-х гг. позволяют расширить художественное пространство текста и обеспечить отображение постмодернистского постулата «Мир-как-Текст».

Фантастика в эпоху постмодернизма породила новые жанровые течения в рамках социально-философской фантастики (киберпанк и турбореализм). По мнению С. Лукьяненко, М. Успенского, братья Стругацкие явились основоположниками этого течения, что еще раз говорит о том, что феномен творчества Стругацких – явление в отечественной литературе принципиально новое, и значение их произведений для всего литературного процесса велико.

Список литературы

1. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Улитка на склоне // Собр.соч. в 11 т. Т.4. – Донецк, 2004.
2. Милославская В.В. Творчество А. и Б. Стругацких в контексте эстетических стратегий постмодернизма. Дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2008.
3. Неелов Е.Н. Сказка, фантастика, современность. – Петрозаводск, 1987.
4. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. – М., 1999.
5. Фуко М. Слова и вещи. – СПб., 1994.
6. Фуко М. Что такое автор? // Лабиринт-эксцентр. – 1991. - №3.

РАССКАЗ ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА ШАНТАЕВА «ЗЛАЯ НЕВЕСТА» В КОНТЕКСТЕ ПРИХОДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ХХІ ВЕКА

Леонов И.С.

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г.Москва

Приходская проза – уникальное и пока малоизученное явление российского современного литературного процесса. Ее возникновение и развитие тесно связано с историческими и культурными реалиями последних десятилетий. Важную роль в данном случае играет активная работа государства и общества, направленная на воссоздание и открытие православных храмов, возрождение богослужений и деятельности церковных общин как в городе, так и в сельской местности.

Среди наиболее известных авторов, чье творчество можно отнести к приходской прозе, следует назвать Александра Авдюгина, Александра Шантаева, Ярослава Шипова, Александра Дьяченко, Алексея Лисняка, Савву Михалевича; каждый из этих писателей является носителем священного сана Русской православной церкви. Следует отметить, что почвой для создания приходской литературы является уникальный пастырский опыт современного священнослужителя, направленного в свое время в глубинку из города для возрождения церковной общины. Знакомство с укладом деревенской жизни, сельскими людьми, их обычаями, характерами, судьбами, – все это находит отражение в очерках и рассказах современных православных писателей. Кроме того, событийный ряд многих произведений, относящихся к данному жанру, включает в себя сакрально-обрядовый комплекс, основанный на изображении регулярно совершаемых богослужений и треб, среди которых основное место занимают таинства и обряды предсмертного и посмертного циклов. К первым относятся исповедь, причащение, соборование; ко вторым – отпевание, совершаемое в храме или на дому.

Несмотря на то, что во многих очерках и рассказах основной акцент делается на обрядовых действиях, следует признать первостепенную обращенность приходской прозы непосредственно к человеку, а точнее к его взаимоотношениям с Творцом. Наиболее полно и глубоко специфика метафизической взаимосвязи в аспекте *Бог/человек* раскрывается при изображении церковных таинств, связанных со смертью или приготовлением к ней.

Изображение сакральных действий предсмертного цикла помогает наиболее тонко почувствовать духовное состояние человека, активно участвующего в совершаемых таинствах. В произведениях, изображающих исповедь и причащение умирающего, возникают мотивы покаяния, глубокого самоанализа, критического отношения к прожитой жизни. В редких случаях автор показывает враждебную реакцию по отношению к Богу и Церкви, что отражено в рассказе А. Шантаева «Визит к колдунье».

Изображение обрядов посмертного цикла в произведениях приходских священников является не столь продуктивными в плане раскрытия метафизической сути взаимоотношений умершего человека с Богом. В данном контексте усопший становится объектом сакральных действий, принимая в них пассивное участие. На первый план здесь выходит молитва о покойном, которую совершает священник и родственники новопреставленного.

Согласно христианским канонам после смерти человека на земле остается лишь тело, а душа покойного обитает в Вечности, где и решается ее дальнейшая судьба, однако многие писатели-священники, прибегая к интуиции, опыту и наблюдениям, пытаются в процессе совершения обрядовых действий сделать вывод о состоянии души отпеваемого, находящейся за пределами земной реальности.

В ряде случаев при совершении отпевания священник не может уйти от гнетущего чувства, свидетельствующего, с его точки зрения, о глубокой метафизической разобщенности человека с Богом. Речь идет о сомнениях в благополучном решении загробной судьбы новопреставленного, при этом возникает ощущение некой враждебности в отношениях между Богом и усопшим. Сам повествователь оказывается в ситуации неразрешенного конфликта: он и обязан совершить требу, но и сомневается в ее необходимости.

Подобную ситуацию можно обнаружить в рассказе А. Шантаева «Злая невеста», повествующем о надомном отпевании погибшей в автокатастрофе девушки. Заглавие произведения отражает народный обычай хоронить незамужних молодых женщин в платье невесты.

Анализ рассказа отражает внутренние переживания повествователя, которые раскрываются благодаря следующим аспектам:

- портретному;
- номинативному;
- социальному;
- временному.

Портретный уровень связан с внешним обликом новопреставленной. Вглядываясь в облик покойной, повествователь отмечает: «мне определенно виделось, что ее лицо приняло выражение еле сдерживаемой ярости: правильные черты превратились в злобную маску, капризную и ненавидящую, тем более жуткую, что она воспринималась последним посланием с того света» [1, с. 31].

Важную роль для раскрытия авторской позиции играет и мотив именования. Покойная девушка является обладательницей специфического имени, которого нет в святцах, – Снежанна. С большим трудом родственникам удастся вспомнить имя, данное ей при крещении (Елена), которое становится своеобразной связующей нитью между ней и ее небесной покровительницей. Здесь можно отметить присутствие мотивов забвения, сакральной незащищенности и богооставленности.

Социальный аспект определяет характер взаимоотношений священника с родными и друзьями покойной. В этом плане следует выделить два уровня: внешний и внутренний (метафизический), основанный на субъективном восприятии повествователем окружающей обстановки и людей. В первом случае очевидного противостояния не наблюдается: священник, приглашенный в дом родственниками умершей, совершает требу в соответствии с церковными канонами. Однако на метафизическом уровне очевиден достаточно острый конфликт. Он связан с ощущением отсутствия сопричастности общества совершаемой молитве, что делает обряд ненужным, а положение священника во многом искусственным. В рассказе ярко выражены мотивы отчуждения, равнодушия, «дежурности» обрядовых действий: «... все молча, не шушукаясь, стоят сзади и ожидают начала «ритуала», неперемнная часть которого – я сам – в сущности человек бесконечно чужой и посторонний, которому приходится служебно и дежурно пропевать стихи заупокойного канона и возглашать «вечную память» [1, с. 29].

При описании атмосферы дома, в котором совершается отпевание, в тексте произведения наблюдается ряд специфических мотивов, среди которых можно выделить мотивы духоты и дурного запаха, на символическом уровне отражающий атмосферу, царящую в жилище: «У крыльца тяжело, нехорошо и от настроения людей, и от запахов, вяжущих ноздри: с веранды тянет поминальными закусками, копченой колбасой, рыбой и луком, да еще вокруг, прямо на полу, в вазах, в ведрах и охапками на скамьях млеют на жаре цветы, от них к столу и обратно перелетают мухи и пчелы [1, с. 28]. Далее автор выходит на уровень обобщения, подчеркивая, что подобная предпохоронная атмосфера вполне соответствуют духу времени: «Похороны обставлены выпивкой и закуской, спешной готовкой, наваристыми щами и компотами, и кухонные пары противоестественно, до дурноты, мешаются с формалиновым духом, сливаются с приторной, волглой атмосферой комнаты, где лежит покойник» [1, с. 29].

Наряду с мотивами обонятельного комплекса в тексте произведения возникают специфические звуковые образы, для описания которых повествователь использует эмоционально окрашенные выражения, например: «трубное зывывание оркестра», «нехороший вой трагического хора полных накрашенных женщин» и т.д. В общем многоголосье предпохоронной суety теряются и звуки молитвы. Исполнение требы воспринимается окружающими как часть общей суетливой какофонии, при этом священник «не менее получаса бормочет и тянет по возможностям слуха и голоса нечто непонятное» [1, с.29]. Наивысшей точкой звукового и эмоционального накала можно считать рыдания матери покойной на кладбище, в которых скорбь перерастает в состояние крайней агрессии и безумия: «... и примется выть, биться и причитать, то и дело переходя на отборный мат. Будет обвинять и проклинать до иступления, до сухих, острых, как бритвы, слез» [1, с. 30].

Обращение к временному пласту произведения также усиливает антагонистический аспект восприятия обряда повествователем-священником, по подсчетам которого роковая авария, жертвой которой стала девушка, прилась на Страстную пятницу – наиболее страшное в сакральном смысле время в церковном календаре. Писатель сначала теряется в догадках: случайное ли это совпадение или проявление Промысла Создателя? Однако в финале произведения отмечает: «Дальше я решил оставить размышления – один Бог ведает...» [1, с. 31].

Таким образом, рассказ протоиерея Александра Шантаева «Злая невеста» раскрывает как особенности современной приходской литературы, так и отражает специфику творчества писателя, изображающего сложный и противоречивый путь приобщения русского человека к истокам и духовным традициям предков.

Список литературы

1. Шантаев А., протоиерей. Асина память. Рассказы из российской глубинки. – М.: Издательский дом «Никея», 2015. – 256 с.

СПЕЦИФИКА ОБРАЗА "ОСЕНЬ" В ЛИРИКЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Дыдаева Н.Н.

Сизых О.В., научный руководитель
Северо-Восточный федеральный университет, г.Якутск

«Концепт «осень» относится к концептам - гештальтам, т.е. абстрактным концептам, сущность которых постигается с помощью образных единиц языка», - отмечает Н.А. Чернявская [4]. Установлено, что в художественной поэтике эта пора года воспринимается как зрелое время, когда человек, научился выражать свои мысли и совершать взрослые осознанные действия. Писатели моделировали осень разнообразно: от образа природного учителя до образа колдуньи-разрушительницы.

Тема родной природы всегда была неисчерпаемым источником вдохновения для многих поэтов, прозаиков, драматургов. А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев, А.А. Фет и другие выдающиеся поэтические личности раскрывали каждое из природных времен года, отдавая особое предпочтение любимой поре.

Великий русский поэт XIX века А.С. Пушкин умел тонко чувствовать прекрасное в природе [3]. Как отмечал Л.Н. Толстой, чувство красоты у А.С. Пушкина было развито до высшей степени. Благодаря своему особенному чувству поэт создал свои лучшие произведения, в которых он искусно описал нюансы красоты пейзажа. В одном из своих известных стихотворений «Осень», написанном в 1833 году, А.С. Пушкин воспекает любимое время года. Осень у поэта - хронос умиротворенного покоя, когда можно спокойно обдумать, осмыслить произошедшее и происходящее, когда наиболее остро ощущается чувство собственной свободы от окружающего мира в целом, чувство отстраненности. Для поэта это время года – период пробуждения фантазии и вдохновения.

Тему осени уникально осваивал С.А. Есенин. В своих стихотворениях, наполненных щемящей печалью о судьбе Руси, он сумел мастерски спроецировать душевное состояние лирического героя на неодушевленные предметы [4]:

Молча ухает звездная звонница,
Что ни лист, то свеча заре.
Никого не впускаю я в горницу,
Никому не открою дверь [1]

Практически все русские поэты художественно осмысливают четыре времени года, высказывая особые симпатии определенной поре в мире природы. Лирика М.Ю. Лермонтова не исключение.

В 1828 году М.Ю. Лермонтов пишет стихотворение "Осень", когда юному автору было 14 лет, причем в архивах поэта отмечено, что это одно из первых произведений и сохранился неполный текст:

Листья в поле пожелтели,
И кружатся и летят;
Лишь в бору поникши ели
Зелень мрачную хранят [2].

Юного М.Ю. Лермонтова одолевали чувства бессмысленности жизни, разочарования в людях, вызванные переживаниями разлуки с отцом [3]. Следует отметить, что в стихотворении отражено уныние и мрачность мира, окружающего лирического героя. Кажется, что вместе с пожелтевшими листьями деревьев увядает жизнь, и то, что раньше приносило человеку удовольствие, уже не так желанно:

Уж не любит, меж цветов,
Пахарь отдыхать порою
От полуденных трудов [2].
Вечера темнеют, становятся опаснее и даже:
Зверь, отважный, поневоле
Скрыться где-нибудь спешит.
Ночью месяц тускл, и поле
Сквозь туман лишь серебрят [2].

Осень как время, с которым связаны урожай, жатва даже не упоминается поэтом. Концепт осень в данном случае репрезентируют образы увядшей листвы, поникших деревьев, мрачной зелени, тусклого ночного месяца, появляющегося в туманном небе. Заметно расхождение в понимании осеннего времени года как календарной урожайной поры, между народным толкованием и авторским видением, что говорит о субъективном восприятии жизненного цикла природы, о переходе от деятельного образа жизни к более созерцательному.

В 1830 (1831) году поэт создает стихотворение "Солнце осени", сопоставляя разбитое сердце лирического героя с одноименным образом: оно бьётся, но уже не той пылкой страстью, как энергичный свет солнца. Осеннее тепло светила не может согреть. Мертвые лучи солнца олицетворяют разочарование лирического героя, обманутого любовью:

Люблю я солнце осени, когда,
Меж тучек и туманов пробираясь,
Оно кидает бледный, мертвый луч
На дерево, колеблемое ветром,
И на сырую степь... [2].

Переживания героя поэт запечатлевает не только в образе солнца, не согревающего живых существ. С помощью описания осени: "сырая степь", которая словно мокнет от слез скорбящей по поводу сердечной неудачи героя природы, ветреная погода, олицетворяющая пустоту и перевернутость внутреннего мира лирического героя, туманы и тучи, фиксирующие нависшие над персонажем невзгоды, М.Ю. Лермонтов передает душевную драму человека:

...не холодной
Оно само собою, но природа
И всё, что может чувствовать и видеть,
Не могут быть согреты им... [2]
Но несмотря на грусть осенней погоды, лирический герой продолжает любить осень, точнее, жизнь.
Практически в это же время (1831) М.Ю. Лермонтов вновь обращается к описанию осени:
Блистая, пробегают облака
По голубому небу. Холм крутой
Осенним солнцем озарен...[2].

Осень представлена природными реалиями: голубым небом над головой лирического героя, крутым холмом, озаренным солнцем. Вместе с тем, заметна философская установка поэта на восприятие жизни:

И на холме пришелец молодой,
Завернут в плащ, недвижимо сидит
Под старою березой. Он молчит,
Но грудь его подымлется порой;
Но бледный лик меняет часто цвет;
Чего он ищет здесь? - спокойствия? - о нет! [2]

Заметна переключка с хрестоматийным "Парусом", который М.Ю. Лермонтов напишет годом позднее. Действительно, именно человек решает, какой жизненный путь избрать, какое решение принять.

Он смотрит вдаль: тут лес пестреет, там
Поля и степи, там встречает взгляд
Опять дубраву или по кустам
Рассеянные сосны. Мир как сад,
Цветет - надев могильный свой наряд...[2].

Безусловно, что лирического героя не устраивает то положение вещей, в котором он находится. А ведь на это время поэту исполнилось лишь семнадцать лет!

И тот, на ком лежит ее печать,
Пушай не ропщет на судьбу свою,
Чтобы никто, никто не смел сказать,
Что у груди своей она змею
Согрела... [2]

В этих словах лирического героя проявляется не только юношеский максимализм отношения к жизни, но и философское отождествление будущей жизни с разочарованиями, одиноким существованием на брэнной земле. А осень как природное время года становится метафорой однообразной печальной и одинокой жизни молодого человека.

Таким образом, осмысление М.Ю. Лермонтовым осени переключается с восприятием жизни человека как особой поры, но не связанной с подготовкой к зимнему долговому сну. Данное время года ассоциируется с периодом принятия важного решения, и речь идет не о трудностях сбора урожая, что соответствует календарному времени, а о необходимости "пожинать плоды" прожитой до осени жизни.

Список литературы

1. Есенин С.А. Стихи про осень // <http://ruspoeti.ru/aut/esenin/t/15/>
2. Лермонтов М.Ю. Стихотворения // <http://www.stihi-classic.ru/vers.php?id=6656>
3. Максимов Д.Е. Поэзия Лермонтова/Д.Е. Максимов. – М.-Л.: Наука, 1964. – 267 с.
4. Марченко А.М. Поэтический мир Есенина./А.М. Марченко. – М.: Советский писатель, 1989.- 304 с.
5. Пушкин А.С. Стихотворения // <http://rupoem.ru/pushkin/all.aspx>
6. Чернявская Н. А. Образная репрезентация концепта «осень» в поэтическом тексте /Н.А. Чернявская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. -2014. - №2 – 2 (32). <http://cyberleninka.ru/article/n/obraznaya-reprezentatsiya-kontsepta-osen-v-poeticheskom-tekste>

СЕКЦИЯ №11.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЛИ ГРУППЫ ЛИТЕРАТУР (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.02)

СЕКЦИЯ №12.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.03)

СЕКЦИЯ №13.

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.08)

СЕКЦИЯ №14.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.09)

СЕКЦИЯ №15.

ЖУРНАЛИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.10)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.00)

СЕКЦИЯ №16.

РУССКИЙ ЯЗЫК (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.01)

СОДЕРЖАНИЕ И ОБЪЕМ ПОНЯТИЯ «ПАМЯТЬ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Михайлова К.С.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г.Уфа

Наш организм является поистине потрясающей системой, способной выполнять самые разные функции и задачи. Особенно важную роль при этом играет полноценная деятельность головного мозга, ведь именно он отвечает за работу всех органов человека. Именно головной мозг несет ответственность и за качество памяти. Адекватное восприятие информации и полноценное ее воспроизведение непроизвольно и по необходимости важно для всей жизнедеятельности человека.

Конечно же, без хорошей памяти невозможно и полноценное обучение индивидуума. Как раз в этом состоит основная функция памяти человека. Так что, если бы люди не обладали природной способностью запоминать, сохранять, аккумулировать и передавать информацию другим поколениям, человечество как цивилизация не смогло бы достичь современного уровня развития.

Если говорить более глобально, то память нужна человеку для сохранения информации обо всем, что происходит в его жизни. Только благодаря ей мы можем выполнять все свои функции: двигаться, слушать, разговаривать, распознавать вкусовые ощущения и запахи и др. Именно способность запоминать обеспечивает нам возможность выполнять любую работу и обучаться чему-то новому, поэтому без памяти человеку никак не обойтись. Работа памяти человека бесценна для него самого и человечества в целом.

Когнитивная номинация «память» в толковых словарях русского языка имеет несколько значений. Чтобы продемонстрировать богатую семантику этой лексемы, приведем соответствующую словарную статью из «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой:

«ПАМЯТЬ 1. Способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а также самый запас хранящихся в сознании впечатлений, опыта. Моторная п. (память-привычка). Эмоциональная п. (память чувств). Образная п. Врезаться в п. (хорошо запомниться). Свежо в памяти (еще хорошо помнится). Это на его памяти (о чем-н. отдаленном: он это помнит, был свидетелем происходившего). Прийти на п. (вспомниться). Короткая п. у кого-н. (быстро забывает; обычно о том, кто не хочет помнить, вспоминать что-н.; неодобр.). 2. То же, что воспоминание о ком-чем-н. Хранить п. о событии. Прежний начальник оставил по себе плохую п. 3. То, что связано с умершим (воспоминания о нем, чувства к нему). Посвятить книгу памяти учителя. Верна памяти мужа. Вечная п. кому-н. (пожелание, чтобы долго, вечно помнили кого-н. умершего). 4. Памяти кого-чего, в знач. предлога с род. п. В честь (кого-н. умершего или какого-н. важного события в прошлом). Турнир памяти Ахехина. Вечер памяти героев. Без памяти – 1) без сознания. Больной без памяти; 2) очень сильно (разг.). Влюблен без памяти; 3) от кого-чего, в восхищении, в восторге (разг.). Он без памяти от своей невесты. На память – 1) без текста. Читать стихи на память; 2) чтобы не забывал. Подарок на память. По старой памяти (разг.) – в силу прежней дружбы, старого знакомства, старых отношений. Удружить по старой памяти. Память ЭВМ (спец.) – совокупность устройств и процессов, обеспечивающих запись, хранение и воспроизведение информации в ЭВМ» [5, с. 490].

Нас интересуют первое и второе значения, поскольку они отсылают к пониманию когнитивной сущности этой способности. Заметим, что толкование указанных значений имеет не специальный, а общедоступный характер и понятно любому носителю русского языка.

В «Большом психологическом словаре» под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко память определяется как «запоминание, сохранение и последующее воспроизведение индивидом его опыта. Физиологической основой П. является образование, сохранение и актуализация временных связей в мозге» [1, с. 332].

Эти два значения объединяются в одно в первом значении номинатива память в соответствующей словарной статье Большого энциклопедического словаря.

Это значение более приближено к психологическому определению памяти: «способность к воспроизведению прошлого опыта, одно из основных свойств нервной системы, выражающееся в способности длительно хранить информацию и многократно вводить ее в сферу сознания и поведения. Выделяют процессы запоминания, сохранения и воспроизведения, включающего узнавание, воспоминание, собственно припоминание» [2, с. 872].

На наш взгляд, данная дефиниция отличается семантической емкостью и точностью.

Во всех рассмотренных нами трактовках можно выделить ключевые понятия и общие смы.: «Запоминание», «Сохранение», «Воспроизведение опыта».

На их основе мы формулируем следующее «рабочее» определение памяти: это сложная психологическая функция человеческого мозга, которая позволяет запоминать, хранить, воспроизводить знания и опыт.

Приведенные ранее дефиниции «память» зафиксированы в словарях и представляют интерес прежде всего для специалистов. Мы же решили выяснить, как понимают значение слова память не специалисты, а «обычные» носители языка, поскольку это одна из важнейших способностей человека, и установить посредством психолингвистического эксперимента современное содержание и объем соответствующего понятия.

В нашем экспериментальном исследовании приняло участие 30 студентов отделения русской филологии института филологического образования и межкультурных коммуникаций Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Возраст респондентов – от 19 до 23 лет. Мы применили ассоциативный метод [4, с. 156], в соответствии с которым испытуемым предлагалось подобрать ассоциации любого грамматического и семантического класса к существительному память, отвечающие на вопросы: «Память

– что?» и «Память – какая?». В ходе эксперимента было получено 113 номинаций (95, раскрывающих содержание понятия «память», и 18, определяющих его объем).

Самыми частотными номинациями, которые выявляют содержание понятия «память», оказались: воспоминания – 25 раз; мозг – 8; мысли – 7; события – 6; голова – 5; флешка – 5; дом – 4; информация – 4; прошлое – 4; школа – 4; история – 3; смерть – 3.

Самыми частотными номинациями, которые выявляют объем понятия «память», стали: хорошая – 5; девичья – 3; долгая – 3.

Единичный характер носят вербализованные ассоциации: анализ, апельсин, байты, библиотека, близкие, боль, будущее, важное, Великая Отечественная война, ветеран, внимательность, воображение, глупости, горе, город, грусть, День победы, детство, 9 мая, «Дневник памяти» (фильм), дороги, желания, жизнь, запоминание, знание, исполнение, картинки, кладбище, компьютер, лето, лица, любовь, мама, матрица, мечты, море, музыка, напряжение, обиды, образы, памятник, поколения, потеря, предки, приятное, психика, развитие, родители, родственники, семья, слова, сознание, страдание, страх, счастье, телефон, удивление, учебник, учеба, фантазии, хорошее, хранилище, человек, экзамены, ячейка; белая, вечная, временная, добрая, светлая, серая, кратковременная, моя, на лица, наша, некачественная, оперативная, плохая, прошлых лет, ситуативная.

Мы предприняли попытку тематически сгруппировать полученные слова-ассоциации.

В первой группе слов, где память понимается как “Способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а также самый запас хранящихся в сознании впечатлений, опыта” выделяем 3 микрогруппы:

1) библиотека, внимательность, голова, информация, мозг, мышление, напряжение, потеря, психика, развитие, сознание, хранилище, человек, ячейка. Данные слова имеют общую смысловую базу: память – “Психологическая функция человеческого мозга, которая позволяет запоминать, хранить информацию, знания”;

2) боль, горе, грусть, обида, страдание, страх, счастье, любовь. Эта лексика отражает эмоциональную сторону сохраненных в памяти прежних впечатлений, опыта, т.е. память эмоциональная;

3) близкие, дом, картины, мама, образы, поколения, предки, родители, родственники, семья, школа, учебник, учеба, экзамен. В данном случае память в общем смысле понимается как наглядно-чувственный образ, возникающий в сознании человека, т.е. образная память.

Вызывают интерес ассоциации-прилагательные, которые характеризуют в данном случае признак понятия «память» по качеству: временная, девичья, добрая, долгая, плохая, хорошая. Причем все они являются оценочными: положительную оценку передают адъективы добрая, долгая, хорошая; отрицательную – временная, девичья, плохая.

Единичны случаи употребления прилагательных-ассоциаций белая и серая, обозначающих цвет, которые тоже можно рассматривать как носители положительной и отрицательной характеристик соответственно. Также серый цвет ассоциируется с серым веществом в голове – мозгом.

Во вторую группу, презентующую память как “Воспоминание о ком-чем-нибудь”, включаем слова: дата, 9 мая, детство, Великая Отечественная война, ветеран, воспоминание, история, прошлое, события. Данная группа слов реализует значение “Память-история как духовная ценность человека и человечества (память о своей стране, о связи прошлого с настоящим)”.

В третьей группе слов память понимается как “То, что связано с умершим (воспоминания о нем, чувства к нему)”: кладбище, смерть. Сюда же можно отнести ассоциации-прилагательные вечная и светлая.

Четвертую группу образуют достаточно частотные и актуальные для наших современников слова с общим значением памяти как “Совокупности устройств и процессов, обеспечивающих запись, хранение и воспроизведение информации в ЭВМ”: компьютер, телефон, флешка (карта памяти).

Интересны случаи понимания памяти как «места», где, как ни странно, осуществляется процесс воображения: будущее, желания, мечты, фантазия.

С одной стороны, память и воображение «несовместимы», поскольку первая хранит и воспроизводит прошлый чувственный опыт, а второе конструирует будущее, все сильнее «отрываясь» от объективной действительности. Но, с другой стороны, воспоминание и воображение – составляющие единой когнитивной категории – представления [3], поэтому диалектически взаимосвязаны и постоянно «перетекают» друг в друга. Респонденты, которые привели к существительному память имена-ассоциации, относящиеся к области воображения, как раз подсознательно и актуализируют эту неразрывную связь. Воображение базируется на данных памяти, поэтому данную группу слов объединяет понимание памяти как основы воображения. «Память – «хранилище» образов-следов ощущений и восприятий, а воспоминание – способ и форма извлечения из памяти этих образов-следов с целью ещё большей их абстрагизации» [3, с. 69], в том числе и через экстраполирование в будущее, мысленно конструируемое человеком, т.е. воображаемое.

В результате проведенного психолингвистического эксперимента мы установили, что большинство его участников объясняет значение номинатива память прежде всего как “Воспоминание”, т.е. воспроизведение в сознании наглядно-чувственных образов ранее воспринятых объектов действительности, а также само впечатление, сохраненное и восстановленное в памяти.

«Память» и «воспоминание» – понятия смежные, отражающие целостность и неразрывность соответствующих когнитивных явлений. «Память и воспоминание отличаются только функционально: память – когнитивная основа, источник воспоминания, воспоминание же когнитивное доказательство наличия и работы памяти, результат её «пробуждения» [3, с. 69]. Очевидно, что для респондентов наиболее значимой является память активная. Именно воспоминание связывает прошлое человека с его настоящим и будущим и является важнейшей познавательной функцией, лежащей в основе развития и обучения, а называемая его лексема приобретает характер фундаментальной в аспекте формирования языковой картины мира.

Полученные слова-ассоциации принципиально не обновляют содержание и не расширяют объем понятия «память» и укладываются в рамки общезыковой трактовки. Это доказывает устойчивость во времени концептуальной основы данной дефиниции и позволяет говорить о сохранении в русском языковом сознании концепта (концептума) «память».

Список литературы

1. Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – М.: Прайм-Еврознак, 2007. – 632 с.
2. Большой энциклопедический словарь / Ред. А.М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 1456 с.
3. Голайденко Л.Н. Лексико-семантическое поле представления в современном русском языке: ядро, лексико-семантический класс воспоминания и периферия (на материале художественной прозы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 10 (52): В 2-х ч. Ч. 2. – С. 64–71.
4. Левицкий В.В., Стернин И.А. Экспериментальные методы в семасиологии. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1989. – 192 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.

СЕКЦИЯ №17.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.02)

СЕКЦИЯ №18.

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.03)

СЕКЦИЯ №19.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.04)

НЕВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ ПРИ ПРЕПОДАВАНИИ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Селиванова И.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г.Москва

Данная статья посвящена особенностям невербальной коммуникации при преподавании испанского языка. Мы рассмотрим некоторые сложности, которые могут возникнуть при общении с носителями языка, а также приведем несколько заданий, которые можно применять на занятиях со студентами.

Невербальная коммуникация является неотъемлемой частью межкультурного взаимодействия. По словам В. П. Морозова, невербальная коммуникация представляет собой сложную многоканальную и многоуровневую систему параллельного воздействия на человека различных видов информации. Согласно исследованиям, лишь 30-35% информации мы получаем посредством вербальной коммуникации, а 60-65% – посредством невербальной коммуникации. Иными словами, анализируя жесты, мимику, интонацию и ряд других факторов, мы можем не только определить отношение собеседника к нам, но и интерпретировать истинный смысл полученного сообщения.

Как известно, чтобы чувствовать себя комфортно при общении с носителями изучаемого языка и избежать культурного шока, необходимо знать особенности невербальной коммуникации. Недостаточная осведомленность в этой области может затруднить общение и даже привести к серьезным конфликтам. Поэтому в последнее время невербальной коммуникации уделяется намного больше внимания: появилось огромное количество пособий на разных языках, публикуются научные статьи и словари жестов (например, «Словарь испанских жестов», «Словарь итальянских жестов»). Эти ресурсы являются важным инструментом при овладении принципами невербальной коммуникации, которые в дальнейшем студенты могут применять и совершенствовать на практике.

Что необходимо учитывать при включении невербального компонента в процесс преподавания? Во-первых, студенты должны не заучивать отдельные слова, а запоминать устойчивые выражения и особенности их употребления в контексте. Во-вторых, стоит уделять особое внимание не только произношению слов, но и интонации, жестам, мимике. В-третьих, преподаватель должен создать атмосферу максимального погружения в культуру изучаемого языка: ознакомить студентов с менталитетом, образом жизни, стилем поведения и общения носителей. Это чрезвычайно важно, так как мы анализируем полученные сигналы исходя из своего жизненного опыта и особенностей своей культуры. Поэтому любое поведение, отличное от нашего, может вызвать негативные эмоции: неприязнь, раздражение, тревогу. Таким образом, знание лексики и грамматики не является ключевым фактором для успешного общения. Студенты должны иметь представление о невербальной коммуникации, которая тесно взаимосвязана с культурой и особенностями национального характера.

Испанцы (наряду с итальянцами и латиноамериканцами) всегда славилась своей эмоциональностью и экспрессивностью. При приветствии и прощании у них широко распространены объятия и поцелуи, что совершенно неприемлемо в других культурах (например, в Японии). Согласно нормам этикета, мужчина при знакомстве с мужчиной пожимает ему руку (при этом необходимо смотреть в глаза), а при знакомстве мужчины с женщиной допускается два поцелуя в щеку, что невозможно, например, в мусульманских странах. Между друзьями поцелуи и объятия являются обязательной нормой. Пространственная зона в испанской культуре значительно меньше, чем у других народов. Она составляет расстояние от кончика пальцев до локтя руки (например, у англичан или американцев расстояние вытянутой руки).

Что касается обращения к незнакомым людям, то чаще всего используется форма второго лица единственного числа. Она же всё чаще стала употребляться и в академической среде (в частности, между преподавателями и студентами, между подчиненными и начальником). По этому поводу Н. М. Фирсова справедливо отмечала: «В испанском обществе постепенно трансформируются речевые вкусы, в первую очередь, в сторону устранения дистанции между коммуникантами, интимизации общения, раскованности, непринужденности, упрощенности, этической сниженности речи».

Как правило, испанцы говорят очень громко и быстро, активно используя в своей речи невербальные средства коммуникации (жесты, мимику, улыбку). С одной стороны, они не боятся проявлять свое душевное состояние, не скрывают своих чувств и желаний. А с другой стороны, можно отметить некоторую театральность в их жестах и поведении. Часто испанцы прибегают к преувеличениям, доходя до крайности. На это нам

указывают многие выражения из театрального искусства (в частности, «устроить спектакль», «устроить цирк», «закатить скандал», «драматизировать»). Поэтому иногда достаточно трудно правильно интерпретировать слова собеседника.

Испанцы ко времени относятся достаточно спокойно. Опоздания не считаются оскорблением или неуважением к партнеру (в отличие от США). Интересно, что на севере Испании люди стараются быть более пунктуальными, чем на юге. В частности, баски называют себя в шутку «немцами Испании».

Стоит отметить, что бары для испанцев – это не просто место для общения, а неотъемлемая часть их культуры. Там они проводят очень много времени. Основное правило – отсутствие каких-либо правил и рамок приличия. Каждый ведет себя так, как он считает нужным. Примечательно, что в такой шумной и специфической атмосфере испанцы чувствуют себя очень комфортно. Обычно каждый платит сам за себя, а если мужчина решил заплатить за девушку, то это может интерпретироваться как намек на интимные отношения, которые, кстати говоря, перестали быть табу в современном обществе. Молодежь не придает особого значения физической близости, эта тема может спокойно обсуждаться даже с малознакомыми людьми в баре.

Также следует иметь в виду, что испанцы могут не выполнять своих обещаний. Если человек пишет или говорит, что он свяжется с вами позже (конечно, речь идет не о деловых контактах), то, скорее всего, он этого не сделает. Это своеобразная формула, которая позволяет ему скрыть нежелание встречаться и общаться с вами.

Таким образом, обращая внимание студентов на все указанные особенности испанской культуры, преподаватель должен научить их ориентироваться в новой для них языковой среде. Прежде всего необходимо отработать ритуалы приветствия и прощания. Как правило, это происходит на первых занятиях. Преподаватель может написать на доске наиболее часто встречающиеся формулы приветствия, прощания, представления, знакомства. Затем учащиеся должны в парах составить диалоги, используя знакомые им невербальные средства коммуникации.

Интонация чрезвычайно важна при изучении любого иностранного языка, однако зачастую этому аспекту не уделяется должного внимания. В связи с этим студентам начального уровня (A1-A2) можно предложить следующее упражнение. На карточках написаны простые предложения, которые необходимо прочитать несколько раз с указанной интонацией (с энтузиазмом, задумчиво, нейтрально, с радостью, с грустью и т.д.). Это поможет им понять, насколько меняется смысл фразы в зависимости от того, как она была произнесена.

Студентам с уровнем испанского языка A2-B1 можно предложить просмотреть видео «Без слов» («Sin palabras», доступно на сайте Youtube). В этом ролике нас знакомят с наиболее часто встречающимися жестами в испанской культуре. Перед просмотром учащимся необходимо выдать таблицу с фразами, которые используются в видео. После этого студентам нужно сделать следующее: а) повторить эти жесты; б) перевести указанные слова и выражения; в) составить диалог в парах с использованием указанных жестов. Как показывает практика, подобное задание вызывает особый энтузиазм у студентов. С некоторыми жестами они знакомы, так как они встречаются и в русской культуре. В результате учащиеся принимают активное участие на занятии, а наглядность видео способствует быстрому запоминанию материала. Кроме того, студентам можно предложить снять свой собственный ролик на тему невербальной коммуникации в испанском языке.

Как мы уже говорили, в последнее время в испанском обществе уделяется много внимания невербальной коммуникации. К примеру, на одном из государственных телеканалов есть передача, которая состоит из нескольких тематических блоков («A punto con la 2»). Один из них называется «Невербальная коммуникация». В ней принимает участие в качестве эксперта филолог из Барселоны Тереса Баро. Каждую неделю она выступает с определенной темой (например, «Значение жестов в невербальной коммуникации», «Как просить прощение», «Как правильно прощаться», «Как привлечь внимание без слов», «Хорошие манеры»). Примечательно, что затем эти короткие видео можно использовать на занятиях со студентами с достаточно высоким уровнем языка (B2-C2). Во-первых, при систематическом выполнении этого задания будут развиваться навыки аудирования. Во-вторых, Тереса Баро дает ценные советы, которые студенты могут применять на практике. В-третьих, во время своего выступления она общается с ведущим, что также дает нам представление о том, как правильно вести диалог (не перебивать собеседника, дослушать его до конца, прежде чем задать вопрос, смотреть в глаза во время общения). После просмотра видео студентам можно предложить вопросы на понимание текста, а также попросить их найти сходства и различия между испанской и русской культурами. Также для развития навыков работы в команде учащиеся могут составить диалоги, в которых они должны следовать советам эксперта.

Следующее задание направлено на ознакомление студентов с устойчивыми выражениями в испанском языке, в которых есть отсылка к жестам или позам (уровень C1-C2): *quedarse con la boca abierta* (раскрыв рот), *boquiabierto* (удивленно), *mirar por encima del hombro* (смотреть свысока) и многие другие. Учащиеся должны объяснить значение выражений, а также придумать ситуации, в которых они могут быть употреблены.

Итак, еще раз повторим, что необходимо уделять особое внимание невербальной коммуникации на занятиях испанского языка (как на начальном, так и на более продвинутом этапе). Это позволит достичь максимального погружения в языковую среду. А также не стоит забывать, что иногда подходящий жест или улыбка могут сказать намного больше, чем красноречивые слова.

Список литературы

1. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. М., 2003.
2. Морозов В.П. Искусство и наука общения: невербальная коммуникация. М.: ИПРАН, 1998.
3. Фирсова Н. М. Испанская разговорная речь. М., 1999.
4. Baró T. Manual de la comunicación personal de éxito: saber ser, saber actuar, saber comunicarse. Barcelona: Paidós, 2015.
5. Davis F. La comunicación no verbal. Madrid: Alianza, 1976.

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Осинцева Т.В.

Белгородский Государственный Национальный Исследовательский Университет, г.Белгород

Современное общество вступило в стадию так называемого информационного общества, в котором главным капиталом является информация и труд, направленный на получение, обработку, хранение, преобразование и использование информации. Закономерностью развития такого общества является интенсификация информационных процессов, главной целью которых есть прогресс в социальной, культурно-духовной и интеллектуальной сферах жизнедеятельности социума. Именно поэтому комплекс проблем связанных с культурологическим, вариативным, лексикологическим и социолингвистическим аспектами исследованиями языка, приобретает особое значение и актуальность. Язык – это отражение реальной жизни и всех тех изменений, которые происходят в социуме и исследование вариативности всегда будет актуальным в процессе развития как социума, так и языка.

Испанский язык в силу огромной территориальной распространенности представляет уникальную возможность для изучения этой проблемы (более 430 млн. человек, или около 6 % от всего населения на планете). Он занимает 4-е место по количеству говорящих на нем после китайского (1200 млн.), английского (478 млн.) и языка хинди (437 млн.). Испанский язык - самый востребованный из входящих в романскую группу. Он является одним из рабочих языков ООН. Разнообразие культур и этнического состава его носителей обуславливают широкие перспективы для изучения национально-культурной специфики их речевого общения и в то же время являются причиной недостаточного изучения вариативности языка по сравнению с английским, французским, немецким и другими языками.

В иберийском варианте испанского языка наблюдается немало вариантных явлений, которые проявляются на всех языковых уровнях. Испанский язык Латинской Америки характеризуется большим количеством общих признаков, отличающихся от классического испанского языка (castellano).

Также нельзя не учитывать, что испанский язык Латинской Америки испытывает на себе влияние двух норм: унифицирующей пиренейской нормы и национальной нормы каждой страны, отличающейся от нормы Испании.

За последние десятилетия в результате глобальных информационных процессов в мире, в ряде испаноязычных стран произошли серьезные социально-культурные перемены, которые нашли отражение в языке. Поэтому рассмотрение испанского языка следует осуществлять с учетом изменений на уровне функционирования языковых средств.

Проанализировав языковую ситуацию в бывших испанских колониях в Африке наблюдаются общие черты:

- Низкий процент испаноязычного населения;
- Билингвизм (степень и тип билингвизма неодинаковы в разных странах);
- Испанский язык не является родным для абсолютного числа жителей;
- Этническая неоднородность билингвов.

Экваториальная Гвинея. Эта страна принадлежала Испании в течении 190 лет. После провозглашения независимости многие испанцы покинули страну, и хотя испанский язык по прежнему имеет статус

официального, его нельзя расценивать как «национальный вариант испанского языка», а скорее как «территориальный вариант».

Западная Сахара. Владение Испанией менее 100 лет. В настоящее время почти все население страны составляют мавры – потомки берберов, смешавшиеся с арабами и негроидными племенами Западной Африки. Однако, несмотря на проводимую политику арабизации страны, переход на арабский язык в официальных сферах до сих пор полностью не осуществлен. Используется испанский, постепенно вытесняемый французским языком. Эту форму существования испанского языка можно считать условно «территориальным диалектом» (обслуживает отдельные малочисленные группы населения, функционирует в ограниченных сферах коммуникации).

Марокко. Официальный язык-арабский. Широко распространены французский, берберский и на севере страны – испанский. На марокканской территории находятся 2 испанских города – Сеута и Мелилья, захваченные еще в XV-XVI веках испанцами и по сей день остаются их владениями. (Сеута - часть провинции Кадис, Мелилья – Малаги). 90 % населения составляют андалузцы, родным языком которых есть испанский. Общественная и культурная жизнь жителей этих городов близка к жизни южных провинций Испании. Контакт с марокканцами наложил определенный отпечаток на испанский язык, в связи с чем его можно рассматривать как «африканский андалузский диалект» испанского языка. Форму существования испанского языка в Марокко также можно расценивать как «территориальный диалект», для которого характерны такие признаки как отсутствие собственной литературной нормы, употребление в ограниченных сферах коммуникации, обладание определенной местной спецификой.

Филиппины. Колония Испании более 300 лет. Испанский язык здесь выполнял роль официального до 1973 года. Официальные языки - английский и филиппино, которые практически полностью вытеснили испанский. Форму существования испанского языка на Филиппинах также можно определить, как «территориальный диалект» испанского языка.

Испанский язык также широко используется в США, особенно жителями ряда американских штатов (Нью-Мексико, Техас, Аризона, Калифорния, Колорадо), являющихся прежними мексиканскими территориями, захваченными США в середине XIXв. По данным Национального статистического Бюро США, количество испаноговорящих жителей в стране увеличилось за последние 4 года на 17% и достигло 42.687 млн., т.е. 14 % от всего населения страны. Из них 58% составляют американцы мексиканского происхождения; 10% - пуэрториканцы, 5% - кубинцы, 5% - испанцы, 4% - доминиканцы, 2% -сальвадорцы и 11% — выходцы из других стран

Латинской

Америки

Кубиноамериканцы - это одна из наиболее многочисленных испаноговорящих диаспор, проживающих на территории США - около 5% населения США. Массовое прибытие кубинцев на территорию штата Флорида наблюдалось уже в 80гг. XIX века в связи с развитием табачной промышленности и открытием табачных фабрик. После победы кубинской революции число иммигрантов резко увеличилось. За эти годы существование и развитие испанского языка в условиях постоянного контакта с доминирующим английским языком привело к его определенным структурным изменениям на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях, появлению большой вариативности форм, отличающихся не только от норм пиренейского, но и кубинского «стандартов».

В зависимости от преобладания иммигрантов из тех или иных стран Латинской Америки, североамериканская Академия испанского языка выделяет 4 основных региона распространения испанского языка:

- 1) юго-западные штаты (мексиканцы);
- 2) штат Флорида (кубинская иммиграция);
- 3) восточные штаты (пуэрториканцы, доминиканцы, кубинцы и, в меньшей степени, иммигранты из стран Центральной Америки);
- 4) штат Иллинойс, г. Чикаго (пуэрториканцы и мексиканцы).

Итак, выделяет следующие формы существования испанского языка:

1. Национальный вариант испанского языка, признаками которого являются такие, как: 1) испанский язык имеет ранг официального (государственного) языка; 2) наличие национальной литературной нормы; 3) испанский язык является родным для абсолютного числа жителей, либо доля испаноязычного населения составляет более 50% от общего числа населения страны; 4) испанский язык выполняет полный объем общественных функций; 5) язык обладает известной лингвокультурологической спецификой. Признаками национального варианта, кроме пиренейского, обладают все латиноамериканские варианты испанского языка.

2. Территориальный вариант испанского языка, для которого характерны следующие признаки: испанский язык имеет ранг официального (государственного); 2) отсутствие литературной нормы; 3) испанский язык не является родным для абсолютного числа жителей, а доля испаноязычного населения составляет менее 50% от

общего числа населения страны; 4) обладает известной лингвокультурологической спецификой. Данные признаки свойственны испанскому языку в Экваториальной Гвинее.

3. Территориальный диалект испанского языка. Его основные признаки: 1) распространение за пределами государств, в которых социолингвистический статус испанского языка определяется как вариант (национальный или территориальный); 2) не располагает собственной литературной нормой языка; 3) не имеет ранга официального (государственного) языка; 4) не является родным для абсолютного большинства населения страны; 5) обслуживает отдельные малочисленные группы населения; 6) используется в ограниченных сферах коммуникации; 7) язык обладает определенной местной спецификой. Эти признаки характерны для испанского языка в Марокко, Западной Сахаре, Андорре, на Филиппинах.

4. Диалект испанского языка, который отличается от территориального диалекта по первому признаку, а именно: типично распространение внутри (не за пределами) стран, в которых социолингвистический статус испанского языка определяется как вариант (национальный или территориальный). Сферы использования диалекта лимитированы разговорно-бытовой и религиозной.

Безусловно, каждый из национальных вариантов испанского языка имеет свои национально-культурные особенности, однако благодаря абсолютному большинству общих языковых средств, испанский язык продолжает оставаться единым для всех испаноязычных государств. Известные лингво-культурологические расхождения не препятствуют коммуникации. Таким образом, Испанию и латиноамериканские страны

объединяет языковое и культурное единство (*comunidad lingüística y cultural*).

Список литературы

1. Амехина Н.Е. Андалузский и леонский диалекты в пиренейском национальном варианте испанского языка: Автореф. дис.. канд. филол. наук. М.: Оргсервис-2000, 2006 - 18 с.
2. Бенчик В.М. Проблема вариативности испанского языка: канарский диалект в архисистеме испанского языка: Дис. . канд. филол. наук. -М., 1998.-260 с.
3. Бердникова Л.П. Гурова Н.В. Контакты и взаимное влияние английского и испанского языков в эпоху глобализации. Пятигорск: ПГЛУ, 2005. - 143 с.
4. Карденас Молина Г. Тенденции развития лексики в кубинском варианте испанского языка: Автореферет дис. .канд. филол. наук. -М, 1983. 18 с.
5. Михеева Н.Ф. Испанский язык на территории юго-западных штатов Америки: Монография. -М.: РУДН, 2002а. 185 с.
6. Нарумов Б.П. Испанский язык // Языки мира. Романские языки. М.: Academia, 2001. - С. 411- 462.
7. Степанов Г.В. Проблема изучения испанского языка Латинской Америки // Вопросы языкознания. 1957. - № 4. - С. 9 - 15.
8. Степанов Г.В. К проблеме языкового варьирования: испанский язык Испании и Америки. М.: Наука, 1979. - 327 с.
9. Lipski J. M. Los dialectos vestigiales del espanol en los Estados Unidos: estado de la cuestion // Signo y Sena, 1996b, 6. Pp. 459 - 489.

СЕКЦИЯ №21.

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.14)

БЫТОВЫЕ ПОНЯТИЯ В АНАТОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Рюмина Е.В., Савенкова С.Р.

Нижегородская государственная медицинская академия, г.Нижний Новгород

Латинская медицинская терминология, весьма богатая по форме и содержанию, связана с самыми разнообразными сторонами жизнедеятельности человека, в том числе с предметами и объектами быта. Ввиду актуальности гуманитаризации процесса обучения дисциплине «Латинский язык и основы медицинской терминологии» данные явления могут быть рассмотрены с целью сделать более сознательным процесс усвоения лексического материала и сформировать цельный взгляд на изучаемую дисциплину. Согласно одному из

определений гуманитаризации, она может рассматриваться как «система форм и методов организации учебно-воспитательного процесса, которая позволяет сделать обучение составной частью формирования личности» [11]. В рамках данного определения представляется важным развивать у учащихся творческий подход к изучению основ медицинской терминологии и стремление к получению новых знаний, чему как раз и могут способствовать раскрытие внутренней формы терминов, включающих бытовые понятия, и комментарии из трудов выдающегося врача древности Клавдия Галена и виднейших представителей эпохи Возрождения Леонардо да Винчи и Андрея Везалия.

В ходе анализа анатомических терминов было обнаружено, что значительная часть анатомических номенклатурных наименований образована по связи с общим устройством античного дома, жилища. Так, понятие *paries* – ‘стена’ – употребляется в различных разделах анатомии примерно в 20 терминах, среди которых: *paries externus ductus cochlearis* – ‘наружная стенка улиткового протока’, *paries caroticus* – ‘сонная стенка’ и др., а также активно используется в производных прилагательных: *parietalis* – ‘теменной, пристеночный’, *parietopontinus* – ‘теменно-мостовой’, *parietooccipitalis* – ‘теменно-затылочный’, *parietomastoideus* – ‘теменно-сосцевидный’. Понятие *trabs* – ‘бревно, брус, балка; кровля, дом’ использовано в производном существительном *trabecula* – ‘перекладина’ в терминах: *trabeculae cranii* – ‘трабекулы черепа’, *trabeculae lienis* – ‘трабекулы селезенки’. Нашли свое отражение в анатомической терминологии также следующие понятия: *tectum* – ‘крыша, кровля’ – в анатомии ‘крыша, потолок’ (например: *tectum mesencephali* – ‘крыша среднего мозга’), *ostium* – ‘вход в римский дом, дверь’ – в анатомии ‘отверстие, устье, вход в полый орган или канал’ (например: *ostium abdominale tubae uterinae* – ‘брюшное отверстие маточной трубы’); *fenestra* – ‘окно’ (*fenestra vestibuli* – ‘окно преддверия’), *scala* – ‘лестница’ (*scala vestibuli* – ‘лестница преддверия’), *limen* – ‘порог’ (*limen nasi* – ‘порог полости носа’). В остеологии употребителен термин *clavicula* (уменьшительное от *clavis* – ‘ключ, запор на дверях’) – ‘ключица’ (название дано по сходству с S-образной задвижкой, щеколдой). В разделе «Нервная система» используется термин *claustrum* (от *claustra* – ‘запор, засов как замок’) – ‘ограда, полоска серого вещества в головном мозге’. Достаточно употребительными для разных разделов анатомии являются понятия *valvula* (уменьшительное от *valvae* – ‘створы, створчатые двери’) – ‘клапан, заслонка’ (обозначает общее название складок внутренней оболочки полого органа, выполняющих роль клапана, закрывающего отверстие, через которое полость этого органа может сообщаться с другой полостью) и *columna* – ‘колонна, столб’. Производное прилагательное *thyreoideus* (от *thyra* – ‘деревянная, обитая кожей, дверь как щит’) – ‘щитовидный’ – используется в терминологии различных разделов анатомии. Например, он употребляется для описания органа эндокринной системы: *glandula thyreoidea* – ‘щитовидная железа’ (наименование отражает подковообразную форму данного анатомического образования), в терминологии ангиологии: *arteria thyreoidea superior* – ‘верхняя щитовидная артерия’, в спланхнологии: *cartilago thyreoidea* – ‘щитовидный хрящ’, а также в миологии в сложных прилагательных: например, *musculus thyrohyoideus* – ‘щитоподъязычная мышца’.

Заслуживают внимания и понятия об отдельных помещениях в доме: *atrium* – ‘передний двор, часть внутреннего двора римского дома’ (в древнеиталийских домах жилая комната с черными от копоти стенами, так как в ней находился очаг) – ‘предсердие’, *vestibulum* – ‘передний двор дома, помещение, где оставляли верхнюю одежду (тогу); передняя, между входом и атрием’ – ‘преддверие’, *thalamus* – ‘отдельная комната, спальня’ – в анатомии – ‘зрительный бугор’ (играет преобладающую роль в эмоциональных проявлениях); *cellula* – ‘клеточка, клетка’ (от *cella* – ‘комната в римском доме а) для рабов, людская; в) кладовая для съестных припасов’). Используются также однокоренные производные прилагательные *cellularis* – ‘клеточный’ и *cellulosus* – ‘клетчатый, богатый клетками’.

С внутренним убранством дома связано понятие *tapetum* (от *tapes, tapetis m* – ‘ковер’) – ‘слой, покров, крыша’, которое употребляется в терминах, описывающих оболочки глаза: *tapetum chorioideum* – ‘слой, покрывающий сосудистую оболочку глаза’, *tapetum lucidum* – ‘особенно сильно отражающий свет слой в ткани сосудистой оболочки глаза’, *tapetum nigrum* – ‘темный пигментный слой сетчатки’, *velum* – ‘парус, занавеска’ (например: *velum palatinum* – ‘небная занавеска’, *velum medullare inferius* – ‘нижний мозговой парус’), *integumentum* – ‘покрывало, покров, завеса’ – в термине *integumentum commune* – ‘общий покров, кожа как внешний покров тела’, *lectulus* – ‘постель, ложе’ – в термине *lectulus unguis* – ‘ногтевое ложе’.

Другая, не менее интересная группа терминов, включает понятия о предметах, объектах и видах домашней хозяйственной деятельности: *ampulla* – ‘небольшая бутылка, пузатый сосуд (из стекла, глины, кожи) для мазей и белил’ – ‘ампула, расширенная часть трубчатого органа (протока, кишки, полукружного канала)’; *vas* – ‘сосуд, домашняя утварь’ – ‘сосуд’, *calyx* – ‘глубокая чаша, кубок, бокал’ – ‘чашечка, чашка’, *cupula* (от *cupa* – ‘бочка, кадка’) – ‘купол, свод’, а также производные прилагательные: *cribrosus* (от *cribrum* – ‘сито, решето’) – ‘решетчатый’, *ethmoidalis* (от *ethmos* – ‘сито, решето’) – ‘решетчатый’, *arytenoideus* (от *arytena* – ‘ведро, черпак’) – ‘черпаловидный’. В таких разделах анатомии, как ангиология, спланхнология, остеология, артрология можно

найти многочисленны примеры с данными понятиями, среди них следующие: *cartilagine arytеноideae* – ‘черпаловидные хрящи гортани’; *calyx renalis* – ‘почечная чашечка’; *vasa sanguinea retinae* – ‘кровеносные сосуды сетчатки’; *vasa auris internae* – ‘сосуды внутреннего уха’; *cupula pleurae* – ‘купол плевры’; *vasa nervorum* – ‘сосуды нервов’; *os ethmoidale* – ‘решетчатая кость’; *lamina cribrosa* – ‘решетчатая пластинка’.

Имеют место в анатомической терминологии также следующие понятия: *saccus* – ‘мешок’, *vomer* – ‘плужник, сошник’ – в анатомии ‘сошник’ (плоская кость трапецевидной формы), *falx* – ‘серп’, *malleus* – ‘молоток’ – в анатомии ‘молоточек, одна из слуховых косточек в барабанной полости’, *incus* – ‘наковальня’, *tela* – ‘ткань’ – ‘тонкая, подобная ткани структура; ткань’, *sella* – ‘седло’, *stapes* – ‘стремя’ – в анатомии ‘стременная слуховая косточка’; *alveolus* – ‘корытце, жёлоб или кадка’ – в анатомии ‘альвеола, ячейка, зубная лунка, пузырек (легочный)’.

Понятия *gomphos* – ‘кол, клин, гвоздь’, *serga* – ‘пила’, *frenum* – ‘узда’, *malleus* – ‘молоток’, *jugum* – ‘ярмо, хомут, упряжка’, *furca* – ‘вилы с двумя зубьями’, *fusus* – ‘веретено’, *scapha* – ‘лодка, ладья’, *navis* – ‘корабль, судно’, *sarsa* – ‘ящик’ дали следующие производные, используемые в анатомической терминологии: *gomphosis* – ‘гомфоз, гвоздевидное укрепление, вклинивание, например, зубов в челюсть’, *serratus* – ‘зазубренный, зубчатый, пилообразный, снабженный зубцами, зазубренный по краю как пила’, *frenulum* – ‘уздечка’, *malleolus* – ‘лодыжка’, *jugularis* – ‘яремный, шейный’, *bifurcatio* – ‘раздвоение, вилообразное разделение’; *fusiformis* – ‘веретенообразный’, *scaphoideus* (син. *navicularis*) – ‘ладьевидный’, *capsula* – ‘капсула, оболочка органа’.

Как правило, обнаруживается явное сходство анатомических образований по внешнему виду и форме с тем или иным предметом домашнего хозяйства, подтверждением чему являются примеры: *sella turcica* – ‘турецкое седло’ (напоминающее седло углубление в основании полости черепа); *musculus serratus* – ‘зубчатая мышца’; *musculus fusiformis* – ‘веретенообразная мышца’; *pelvis renalis* – ‘почечная лоханка’; *bifurcatio tracheae* – ‘бифуркация трахеи’; *falx cerebri* – ‘серп большого мозга’; *capsula lentis* – ‘капсула хрусталика’; *os naviculare* – ‘ладьевидная кость’.

Приобщение учащихся к истокам формирования научной медицинской терминологии может положить начало правильной организации обширного терминологического материала и формированию системного взгляда на него, а также развитию интереса и воспитанию уважения к сокровищницам античной культуры. Специалисты, получающие гуманитарное образование, могут быть заинтересованы тем, что понятие *jugum* ‘ярмо, хомут’ упоминается уже в древних источниках, например, в IV книге Геродота в главе «Легенды о происхождении скифов»: «His regnantibus de coelo delapsa aurea instrumenta: aratrum et iugum et bipennem et phialam decidisse in Scythicam terram» [6, с.4]. По словам Геродота, с неба на Скифию упали золотые предметы – плуг с ярмом, секира и чаша, ставшие затем священными атрибутами этой земли.

Свое отражение в анатомической терминологии нашли также понятия о видах ремесленной хозяйственной деятельности и объектах домашнего хозяйства: *sartorius* (от *sartor* – ‘портной’) – ‘портняжный’; *rete* – ‘сеть, невод’, *fovea* – ‘яма, особенно для ловли зверей’ – ‘яма, ямка, углубление (кругловатых очертаний)’, *molaris* (от *mola* – ‘жернов, мельница’) – ‘большой коренной’. Примерами терминов с данными понятиями служат: *dens molaris* – ‘моляр, большой коренной зуб, имеющий жевательную поверхность, образуемую тремя, четырьмя или пятью бугорками’; *musculus sartorius* – ‘портняжная мышца’ (мышца участвует в характерном для портных скрещивании ног); *rete arteriosum* – ‘артериальная сеть’; *rete lymphocapillare* – ‘лимфокапиллярная сеть’; *rete venosum* – ‘венозная сеть’.

Представляют интерес также понятия об объектах городского хозяйства: *aquaeductus* – ‘водопровод’ – в анатомии ‘водопровод, канал, труба, проход’; *pons* – ‘мост’ – в анатомии ‘мост, часть головного мозга в виде большого белого вала’; *fossa* – ‘ров, яма; борозда, которой отмечали место будущей стены города’ – ‘ямка удлиненной формы, углубление, впадина’; *canalis* – ‘водопровод, канал’ – ‘канал’; *porta* – ‘ворота (городские)’ – в анатомии ‘ворота’; *pylogus* (от *pyle* – ‘створка, ворота’) – ‘привратник, суженная часть желудка в месте его перехода в двенадцатиперстную кишку’; *fornix* – ‘свод, арка’ – ‘свод, сводчатое образование, дугообразная структура’; *cloaca* – ‘клоака, крытый канал для стока нечистот’ – в эмбриологии этим термином обозначается ‘расширенный каудальный конец кишки зародыша, в который открываются протоки аллантоиса и первичной почки’. Разнообразие использования данных понятий по разделам анатомии подтверждается следующими примерами: *aquaeductus cerebri* – ‘водопровод мозга’ и *pons Varolii* – ‘варолиев мост заднего мозга’ (нервная система); *fornix cranii* – ‘свод черепа’ (остеология); *porta hepatis* – ‘ворота печени’ и *fossae peritonei* – ‘ямки брюшины’ (спланхнология); *vena portae* – ‘воротная вена’ (ангиология).

В рамках решения задач гуманитаризации образования могут быть использованы комментарии польского профессора К. Куманецкого о бытовом и хозяйственном укладе античного человека. Так, описывая быт римлян в эпоху царей, ученый подчеркивает, что этрускам римляне «были обязаны и постройкой огромного подземного канала – Большой клоаки вокруг Форума, и распространением особого типа жилища с центральным залом,

имеющим отверстие в кровле, – атрия» [7, с. 184]. Куманецкий приводит следующую характеристику атрия: «В атрии (от слова «атер» – черный) разводили очаг и потому это помещение было обычно черным от дыма. Свет <...> поступал лишь через отверстие в крыше, крытой соломой. Позднее очаг из атрия убрали, а на его месте стали делать каменный бассейн для сбора воды, стекавшей с крыши через отверстие. Так из самой темной комнаты в доме атрий превратился в самую светлую и парадную» [7, с. 196].

В целях осознанного запоминания студентами лексики может быть предложено к рассмотрению употребление понятия ‘ворота’ в анатомической терминологии, позволяющее объяснить некоторые языковые факты. Если речь идет о воротах почки, селезенки, легкого, мышцы, надпочечника, яичника, лимфатического узла, зубчатого ядра мозжечка, а это, как правило, небольшие по размерам воронкообразные или щелеобразные углубления на поверхности органа, то в данных контекстах используется понятие ‘hilus’, имеющее в классической латыни значение ‘малость, безделица’. С другой стороны, имеет место термин porta hepatis – ‘ворота печени’, обозначающий важнейшее с точки зрения жизнедеятельности организма анатомическое образование, через которое входят в печень печеночная артерия и воротная вена и выходят лимфатические сосуды и общий печеночный проток. Употребляемое в нем понятие porta – ‘городские ворота’ связано с устройством античного города. Примечательны комментарии Клавдия Галена, касающиеся вен, направленных к печени. По представлению Галена, они «...подобны городским носильщикам, которые забирают очищенное в складе зерно и несут его в одну из общественных городских пекарен, где его испекут и переработают в полезный продукт. Точно так же вены отводят обработанную в желудке пищу в общее для всего животного место пищеварения, место, которое мы называем печенью» [3, с.167]. Ворота такого исключительного органа сопоставляются с воротами античного города, имевшими важное стратегическое значение. «В древности еще Гиппократ, как утверждал Гален, отождествлял строение организма животного с хозяйством города» [3, с. 167]. Не случайно печень, самая большая железа в нашем организме, выполняющая очень сложные функции, являясь одновременно органом пищеварения, кровообращения и обмена веществ, согласно образному выражению Леонардо да Винчи, «...есть распределитель и раздатчик (жизни) жизненно необходимой пищи человеку [9, с. 375]. Наряду с этим возможно обсуждение явно возникающей ассоциативной связи русского слова печень с понятием печь. Клавдий Гален замечал: «Но почему желудок окружен печенью? Не для того ли, чтобы она согревала его, а он в свою очередь, согревал пищу?» [3, с.173]. У Андрея Везалия встречаем следующее определение: «Печень <...> представляет собой природное или питающее огниво, или, как говорил Платон, огниво души, страстно жаждущей любовной пищи и питья» [2, с.40]. Данные комментарии призваны вызвать положительный эмоциональный настрой обучаемых, на важность которого указывал, в частности, Леонардо да Винчи: «Умозрительные вещи, не прошедшие через чувства, тщетны и никакой истины не порождают, разве только губительную» [9, с. 46].

Столь многочисленное употребление в анатомической терминологии слов, обозначающих бытовые понятия, безусловно связано с тем, что в представлении древних устройство человеческого организма являлось уменьшенной копией устройства человеческого жилища или целого города. Такое отождествление на наш взгляд подтверждается и фактом использования уменьшительных суффиксов ‘-ul-, -ol-’ для образования наименований анатомических терминов.

Что касается приведенных выше примеров, быт как уклад повседневной жизни человека находит наиболее яркое отражение в таких разделах анатомии, как остеология, ангиология, спланхнология, миология, нервная система, органы чувств. При этом наиболее употребительными оказываются наименования, образованные по связи с общим устройством дома, жилища в сравнении с предметами быта и видами хозяйственной деятельности.

Данный подход к изучению медицинских терминов может способствовать улучшению формирования навыка анализа внутренней формы терминов, овладению умением систематизировать учебный материал, что в свою очередь приводит к лучшему запоминанию анатомической терминологии. Следует отметить, что понимание истоков происхождения терминов расширяет кругозор студентов и помогает формированию всесторонне образованной личности будущего врача.

Список литературы:

1. Арнаутов, Г. Медицинская терминология на пяти языках (латинском, русском, английском, французском, немецком). 4-е рус. изд./ Г. Арнаутов – София: Медицина и физкультура, 1979. – 1032 с.
2. Везалий, Андрей. Эпитоме. Извлечение из своих книг о строении человеческого тела./ Перевод с латинского и примечания Н. Соколова./ А. Везалий. – М.: Медицина, 1974. – 103 с.
3. Гален, Клавдий. О назначении частей человеческого тела. Пер. с древнегреч. С. П. Кондратьева/ К. Гален. – М.: Медицина, 1971. – 554 с.

4. Журавлева, В.Н. Русский язык как иностранный. Учебный словарь. Анатомия. Толкование и сочетаемость терминов./ В.Н.Журавлева [и др.] / под ред. докт. филол. наук В. В. Морковкина. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 312 с.
5. Казаченок, Т. Г. Анатомический словарь: Латинско-русский, русско-латинский. 3-е изд., доп./ Т. Г. Казаченок. – Минск: Вышэйшая школа., 1990. – 511 с.
6. Кондратьев, С. *Aula linguae Latinae*. Книга для чтения по латинскому языку. / С. Кондратьев, А. Васнецов. – Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1950. – 128 с.
7. Куманецкий, К. История культуры Древней Греции и Рима: Пер. с пол./ К. Куманецкий. – М.: Высшая школа, 1990. – 351 с.
8. Латинский язык и основы терминологии / Под ред. Ю.Ф. Шульца. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Медицина, 1982. – 336 с.
9. Леонардо да Винчи. Анатомия. Записи и рисунки. / Пер. с итал. М. В. Кондратьевой и З. Б. Подкопаевой./ Редакция и комментарий В.Н. Терновского. – М.: Наука, 1965. – 586 с.
10. Петрученко, О. Латинско-русский словарь. Репринт IX-го издания 1914 г./ О. Петрученко. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1994. – 810 с.
11. Тузлукова, В. Научно-педагогический глоссарий учителя экономики. [Электронный ресурс] – <http://n.presentatio.ru/dictionary/418/gumanitarizacija-obrazovaniya.html> дата обращения 21.02.13
12. Энциклопедический словарь медицинских терминов. Издание второе в 1-м томе. 50 374 термина./ Гл. редактор В.И. Покровский. – М.: Медицина, 2001. – 960 с.

СЕКЦИЯ №22.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.19)

К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ ПОНЯТИЯ «КОНЦЕПТ» В ЯЗЫКОЗНАНИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Тимофеева А.А.

Московский педагогический государственный университет, г.Москва

Лингвистика конца XX - начала XXI вв. развивается под влиянием веяний когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

В этих условиях интенсивное развитие этих областей научного знания способствует установлению более четких определений для основных категорий и, прежде всего, концепта. Лексема «концепт» прочно вошла в научный обиход около 10 лет назад. При этом самый широкий спектр концептов уже вошел в круг активного рассмотрения лингвистов. Более того, в ходе разработки основных категорий и проблем когнитивной лингвистики и лингвокультурологии ученые обнаружили много новых аспектов в изучении как языка, так и речевого функционирования.

Сотни работ посвящены анализу различных концептов русского языка, сравнению концептов в разных языках, теоретическому обоснованию понятий и терминов концептуальной лингвистики.

Изучение лингвокультурных концептов привлекает сегодня многих исследователей, поскольку дает возможность установить способы языкового осмысления действительности и выявить приоритетные ценности в коллективной и индивидуальной картинах мира. Лингвоконцептология синтезирует в себе идеи философского анализа познаваемого мира, когнитивного моделирования действительности, культурологического описания этнической и социально-групповой специфики миропонимания и семантического структурирования реальности. Достижения и проблемы лингвоконцептологии обсуждаются в публикациях таких отечественных языковедов, как В. И. Карасик, И. А. Стернин, Е.А. Пименов и др.

Термин «концепт» появился в научной литературе лишь в середине XX века, хотя его употребление зафиксировано в 1928 году в статье С.А. Аскольдова «Концепт и слово». Под концептом автор понимал «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [2, С. 267].

Обратимся к определениям термина «концепт». Авторы «Краткого словаря когнитивных терминов» рассматривают концепты как идеальные абстрактные единицы, смыслы, которыми оперирует человек в процессах мышления, и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей деятельности человека и процессов познания им окружающего мира в виде определенных единиц - «квантов знания». При этом отмечается, что содержание концепта включает информацию о том, что индивид знает, предполагает, думает, воображает о том или ином фрагменте мира. Концепты сводят все многообразие наблюдаемых явлений к чему-то единому, под определенные, выработанные обществом категории и классы [3].

По мнению В.Н. Телия, концепт – это «все то, что мы знаем об объекте во всей экстензии этого знания» [5, С. 97]. Он представляет собой семантическую категорию наиболее высокой степени абстракции, включающую в себя частные значения конкретизации общей семантики. Кроме того, исследователь подчеркивает, что концепту онтологически предшествует категоризация, которая создает типовой образ и формирует «прототип».

Концепт - категория гораздо более обширная, чем понятие. По словарному значению «концепт» и «понятие» — слова близкие. В английских словарях «концепт» — идея, лежащая в основе целого класса вещей, общепринятое мнение, точка зрения (general notion). В «Longman Dictionary of Contemporary English» «концепт» определяется как «чья-то идея о том, как что-то сделано из чего-то или как оно должно быть сделано» (someone's idea of how something is, or should be done) [6]. Возникает неожиданное указание на мыслящее лицо, деятеля, обладателя некой идеи и точки зрения. При всей абстрактности и обобщенности этого «некто» (someone) вместе с ним в «концепт» входит потенциальная субъективность.

Исследователи утверждают, что концепт семантически глубже, богаче понятия. Концепт приближен к ментальному миру человека, следовательно, к культуре и истории, поэтому имеет специфический характер. «Концепты представляют собой коллективное наследие в сознании народа, его духовную культуру, культуру духовной жизни народа. Именно коллективное сознание является хранителем констант, то есть концептов, существующих постоянно или очень долгое время» [4, С. 45].

Изучение структуры концепта показывает, что «первичный эмпирический образ сначала выступает как конкретное чувственное содержание концепта, а затем становится средством кодирования, знаком все более усложняющегося по мере его осмысления, многомерного концепта» [1, С. 15].

В работах современных лингвоконцептологов делается акцент на обосновании определенных типов концептов, выделяемых на разных основаниях. Так, например, выделяются телеономные концепты (С.Г.Воркачев), отправляющие к высшим ценностям («счастье», «родина», «любовь» и др.), регулятивные концепты (В.И. Карасик), основным содержанием которых является норма поведения, получающая понятийное, образное и ценностное измерение («свобода», «закон», «скромность» и др.), эмотивные концепты (Н.А. Красавский), характеризующие эмоциональную сферу человека («радость», «тоска», «гнев» и др.). Предложено описание этноспецифических концептов, выражающих особое миропонимание того или иного этноса («приватность», «пунктуальность», «искусство (умение) жить»).

С иных позиций анализируются концептуальные группы или поля (концептосферы «терпение», «война», «волеизъявление» и др.), рассматриваются индивидуально-авторские концепты в сознании философов и писателей. Начато изучение институциональных концептов, проявляющихся в сфере определенных социальных институтов («порицание», «услуга», «гарантия»), идеологических концептов, в содержании которых устанавливаются позиции определенных социальных классов и групп («демократия»), архетипических концептов, восходящих к подсознательным установкам в поведении («предательство»), символических концептов, допускающих множественное образно-ценностное осмысление («подарок»).

В языке «концепт» объективируется лексемами, свободными и устойчивыми словосочетаниями и может быть исследован на материале, полученном в результате свободного ассоциативного эксперимента, сплошной выборки из фразеологизмов, пословиц, поговорок и художественных текстов.

Концепт имеет полевую структуру, включающую ядро (центральная ядерная зона, окоleyдерная зона) и периферию (ближняя периферия, дальняя периферия и крайняя периферия). К ядерной зоне относятся лексемы, экспонирующие ядро национального сознания, к периферии – индивидуальное сознание. Концепт состоит из компонентов (когнитивных признаков и когнитивных классификаторов), представляет собой единство образа, информационного содержания и интерпретационного поля. Образный компонент является основой концепта и представляет собой единицу универсального предметного кода, состоящую из перцептивного образа, основанного на зрительных, вкусовых, тактильных, звуковых и обонятельных ощущениях и когнитивного (метафорического) образа, отсылающего абстрактный концепт к материальному миру, которые в равной степени отражают образные характеристики концептуализируемого предмета или явления. Информационно-понятийный компонент включает наиболее существенные признаки предмета или явления. Интерпретационное поле включает

оценочную, энциклопедическую, утилитарную, регулятивную, социально-культурную и паремиологическую зоны.

Выделяют различные типы концептов: по степени конкретности – абстрактности содержания, по выраженности – невыраженности в языке, по степени устойчивости, по частоте и регулярности актуализации, по структуре, по способу языкового выражения, по номинативной плотности, по стандартизации, по способу жанровой фиксации, по содержанию и степени абстракции. Безусловно, разные типы концептов будут отличаться по структуре, однако большинство исследователей сходятся в том, что «концепт» представляет собой неоднородное образование, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами. Становится ясно, что у концепта сложная многокомпонентная и многослойная структура.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Проблема вербализации концепта: Теоретическое исследование. Волгоград: Перемена, 2003. – 96 с.
2. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. – 280 с.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
4. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. – 991 с.
5. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. – 125 с.
6. Longman Dictionary of Contemporary English [электронный ресурс]. URL: <http://www.ldoceonline.com/support.html> (дата обращения: 03.04.2016).

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ СУБЪЕКТА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Грызлова Г.А.

Удмуртский государственный университет, г.Ижевск

Keywords archeological discourse, informational content of archeological material, form of realization of category of modality

Summary: The features of submission of information on external reality in scientific articles on archeology are considered in article. Language means of expression, effective use of which testifies linguistic competence of the expert are analyzed.

Как комплексная научная дисциплина история впитывает в себя результаты широкого круга наук, связанных с изучением человека и его культуры. В основе реконструкций, выстроенных историей, лежат разнообразные источники наук как гуманитарного, так и естественноисторического циклов. Одной из них является археология, изучающая остатки материальной культуры людей разных эпох и пытающаяся на основании их топографии восстановить отношения и духовную жизнь людей внутри тех или иных конкретных обществ. И так как речь идёт о жизни и деятельности людей, археологический дискурс смыкается непосредственно с дискурсами многих других наук (антропология, палеогеография, этнография, хронология, эпиграфика и др.).

Познание закономерностей исследуемых объектов, теоретическое осмысление их внутренних связей и взаимосвязей неразрывно связано с практической стороной, то есть с выявлением существенных признаков и описанием материальных объектов реальной действительности, что является особенностью данного дискурса. То, что непосредственно дано – положение объекта (его форма и атрибуции) в пространстве, археологи судят по здравому смыслу и аналогии. В археологических текстах поэтому достаточно большое место занимает описание положения и соположения предметов в пространстве, описание их признаков относительно друг друга, изображение предметов как таковых. Зафиксировать образ предмета и передать его состояние в качественно-количественных характеристиках, собственно и является целью автора в этих частях текста. При этом важное значение имеют пресуппозиции и интенции, воображение специалистов, которые находят своё выражение в отношении и осмыслении определённой картины мира, моделируемой текстом, и конструировании собственной версии реальности.

Отражая определённый фрагмент действительности, и, познавая взаимодействие объектов действительности, учёный познаёт отношения между ними и интерпретирует эти отношения в соответствии со своим опытом. Стремление эксплицировать эти отношения, сделать достоянием других, приводит к тому, что познавательные структуры воплощаются в акты речевой коммуникации. «Стимулируемые практикой общественного бытия, ситуациями, возникающими в конкретной сфере деятельности, индивиды как носители познавательных структур (впечатлений, знаний и связывающих их отношений – идей) стремятся эксплицировать их, сделать достоянием других, видя в этом основу для самовыражения и самоутверждения, для достижения определённых практических целей» [Дридзе, 1980: 110].

В области археологии постепенно вырабатывались языковые средства выражения и эффективное пользование ими свидетельствует о лингвистической компетенции специалиста, которая прослеживается на грамматическом и лексическом уровнях.

Для того чтобы раскрыть природу и коммуникативное предназначение какой-либо одной версии событий или положения дел, специалистам в этой области приходится иметь дело с реальными или гипотетическими версиями социальных миров, эксплицитно или имплицитно доказывать несостоятельность альтернативных вариантов и правомочность собственного. Информация, предлагаемая читателю, может быть воспринята как достоверное сообщение об имевших место в действительности событиях или же, как мнение, версия или предположение автора. Поэтому важной характеристикой наполнения археологических текстов являются формы реализации категории модальности.

Модальные отношения, возникающие в процессе коммуникации, следует рассматривать с точки зрения автора и реципиента. Именно активное участие автора, что подразумевает отношение высказываний к описываемой действительности, отношение говорящего к своим высказываниям и отношение говорящего к своим партнёрам по коммуникации, определяет значение описываемого явления и его место в реальной действительности. В этих положениях [Балли; Мещанинов; Лайонз] модальность и наклонение приобретают более широкую трактовку, и свидетельствует об отходе от узко морфологических позиций.

Отношение содержания текста к действительности традиционно рассматривалось в рамках объективной модальности и характеризовалось как реальность/ирреальность. Однако с позиций текстовой деятельности, когда учитываются установки коммуникантов, названную модальность следует определять как референтивную, поскольку она характеризует референциальные отношения между миром текста и действительным миром [Баранов, 1993: 98-137]. Поэтому различают модальность реальности и модальность нереальности, каждая располагает своими различными средствами выражения.

Модальность реальности в археологических текстах может выражать как что-то реально существующее с точки зрения автора, так и то, что автор может представить как реально существующее или существовавшее. Реальная объективная модальность соотносится с изъявительным наклонением, выступающим как прямое, исходное, немаркированное. Индикатив выражает в данном контексте имеющий место в действительности факт, обстоятельство, явление:

- In der Natur gibt es im wesentlichen fünf verschiedene Granattypen, die sich in der Zusammensetzung deutlich voneinander unterscheiden (реальный научно установленный факт).

Далее автор выражает отношение к указанному факту:

- Wenn die Zusammensetzung eines archäologischen Granatfundes bekannt ist, lässt sie sich mit den Zusammensetzungen von Granaten aus verschiedenen natürlichen Vorkommen vergleichen. (объективно обусловленное действие).

Для усиления выражения реальности происходящего служат модальные слова, выражающие субъективно-модальное мнение, отношение автора к событию, например: *sicher, tatsächlich, gewiss, es steht fest* и др.

Для археологических текстов характерны многочисленные градации модальных значений, например, способы выражения разных степеней уверенности в высказываемом предположении (на примере модального слова «*wahrscheinlich*»):

- *es ist eher unwahrscheinlich, es ist kaum wahrscheinlich, es ist wenig(er) wahrscheinlich, es ist sehr wahrscheinlich, es ist mehr als wahrscheinlich, mit einiger Wahrscheinlichkeit, mit hoher Wahrscheinlichkeit, mit größter Wahrscheinlichkeit, es ist höchst wahrscheinlich.*

Нереальная модальность предложения в большинстве случаев переводит суждение в разряд предположений. Это характерно для содержания данных текстов, вероятно потому, что многие современные археологи полагают, что в процессе археологических исследований получают не более 15% достоверной информации. Модальное значение предположения отражает, насколько автор уверен в своём высказывании, насколько оно соответствует реальности. В большинстве случаев высказывание в подобных текстах представлено не как совершенно нереальное, соотносимое в лингвистике с сослагательным наклонением, а как потенциально

возможное. Поэтому именно в археологических текстах модальное поле предположения так обширно и располагает целой шкалой средств выражения.

1. Грамматические средства.

С прагматических позиций суждение в форме будущего времени всегда предположение и для автора, и для реципиента:

- Schließlich wird man aus kleineren Quarziten wohl auch verschiedene Schmuckstücke hergestellt haben (1/2000, 76 S.)

Модальное значение Futur I (II) определяется с помощью контекста и часто усиливается модальным словом «wohl». В приведённом суждении содержится не утверждение об уже совершившихся событиях, а авторский прогноз относительно развития этих событий в прошлом. Часто вместо конструкции в Futur с модальным словом «wohl» в качестве синонимичной конструкции употребляется модальный глагол «dürfen» в сослагательном наклонении:

- Für darin gefundene Gürtelgarnituren ergibt sich damit eine Herrstellungszeit, die spätestens um die Mitte des 6. Jahrhunderts liegen dürfte (2/2001, 59 S.).

Формы сослагательного наклонения (Imperfekt Konjunktiv модальных глаголов, Konditionalis I, Plusquamperfekt Konjunktiv) употреблены для выражения неуверенного предположения, а также для выражения нереальных условий или обстоятельств выполнения действия в прошлом, настоящем или будущем:

- So kann man für Hienheim den totalen Verbrauch von Arnhoferner Plattensilices in der Übergangsperiode und während des Mittelneolithikums auf maximal 720 kg und minimal 288 kg hochrechnen. Der jährliche Verbrauch hätte dann in Hienheim maximal 2,88 kg minimal 1,15 kg betragen. Das käme dem Ertrag an Platten aus der Hälfte oder einem ganzen Schacht gleich. Wenn man auch die Platten vom Typ Beierdorf in die Hochrechnungen miteinbezieht, käme der Gesamtverbrauch in Hienhem an Platten auf 2258,4 kg oder 9,0 kg/Jahr oder 903,4 kg oder 3,6 kg/Jahr. Dies würde dem Ertrag aus 1,3 bis 3 Arnhoferner Schächten entsprechen (2/1994, 403 S.).

2. Лексико-грамматические средства.

Модальные глаголы теряют в определённой степени своё лексическое значение долженствования, необходимости или возможности и приобретают значение логично обоснованного предположения.

- Sie (die Fragmente) sollen vom oben genannten Areal stammen (1/2000, 42 S.);

- Die Gräber in Vallon/sur Dompierre müssen kurz vor 580 angelegt worden sein (2/1994, 523 S);

Следует отметить, что модальные вспомогательные глаголы - müssen, können с инфинитивом и особенно Konjunktiv 2 (dürfen, können) служат для выражения определённой тональности: осторожности в оценках и доброжелательности по отношению к коллегам.

В зависимости от степени уверенности модальные слова в значении предположения, можно разделить на следующие группы:

a) обоснованное предположение: sicher, sicherlich, gewiss, zweifellos, bestimm», ganz eindeutig, wie auf der Hand liegend, einleuchten.

b) слабо обоснованное предположение: wahrscheinlich, vermutlich, wohl.

К этой группе можно отнести и часто встречающуюся в анализируемых текстах конструкцию «scheinen+Infinitiv I (II)», выражающую предположение при определённых обстоятельствах, а также синонимичное этой конструкции выражение «anscheinend»:

c) необоснованное предположение: möglich, möglicherweise, vielleicht, kaum, zweifelhaft, fragwürdig, fraglich.

Список литературы

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. / Пер. с фр. - М.: Иностр. лит-ра, 1955. - С. 416.
2. Богданов В.В. Текст и текстовое общение. - СПб.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та. 1993. - С. 5-6.
3. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. - М.: Высшая школа, 1980. - С. 61-110.
4. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику - М.: Наука, 1978. - С. 70.
5. Мещанинов И.И. Глагол. - Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та. 1982. - 150. Примеры взяты из научных статей по археологии, опубликованных в периодическом издании «Germania», выпускаемого Немецким институтом археологии.

СЕКЦИЯ №23.
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И
СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.20)

**ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО,
ФРАНЦУЗСКОГО И ЯКУТСКОГО ЯЗЫКОВ**

Григорьева Т.И.

Северо-Восточный Федеральный Университет, г.Якутск

Во всех трех исследуемых языках употребительна бинарная оппозиция по гендеру, примечательно, что в ГМФЕ (гендерно маркированных фразеологических единицах) в исследуемых языках обнаружилось расхождение, которое обусловлено этноспецифичностью языкового сознания. В русских паремиях чаще представлена пара МУЖ-ЖЕНА, что позволяет предположить о превалировании традиционных семейных (брачных) отношений в русской культуре. Без мужа жена всегда сирота, встречаются вариации МУЖИК-ЖЕНА, МУЖ-БАБА, ДЕД-БАБА (в чем деду стыд, в том бабе смех) мужик-баба (Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка завсегда в избе, Мужик тянет в одну сторону, баба в другую)

Во французском языке в ГМФЕ обнаружено преобладание отношений между HOMME-FEMME мужчина /женщина (МУЖЧИНА-ЖЕНЩИНА) без акцентирования на семейном положении: *La femme peut enrouler l'homme autour de son doigt*. Женщина может обвести мужчину вокруг пальца

Такие вариации как MÂLE-FEMELLE (САМЕЦ-САМКА) могут служить еще одним аргументом, подтверждающим данный тезис. В отличие от русской культуры данная вариация имеет больше положительную коннотацию, чем негативную. (*Beau mâle* – красивый сильный мужчина)

Французская фразеология, в отличие от русской, описывает женщину в большей степени вне брачных отношений.

Небольшой объем якутского материала не позволяет достоверно судить о частотности той или иной пары ФЕ, но пара ИЙЭ- АҒА (МАТЬ-ОТЕЦ) имеет всегда положительную коннотацию Киһи, сиргэ төрөөн, икки эрэ киһини «ийэ», «аҕа» диир – «Человек, родившись на земле, только двоих называет отцом и матерью.» Ийэ-аҕа санаата оҕоҕо, оҕо санаата тааска- «Мысли матери-отца о детях, мысли детей о скалах». В последней паремии имеется в виду старый обычай молодых охотников уходить в горы, сулившие хорошую добычу, удачу и сытую жизнь. (Алданские горы) [Кулаковский А.Е., 1979: 132 с.]

Остальные пары КЫЫС-УОЛ (ДЕВУШКА-ПАРЕНЬ), ЭР КИИИ-ДЬАХТАР имеют как нейтральный характер (Уол оҕо бөрө, кыыс оҕо саһыл - Юноша волк, девушка лиса), так и негативную коннотацию (Эрэ суох дьахтар иччитэ суох ынах кэриэтэ. Незамужняя жена подобна безхозной корове).

В результате анализа фразеологии русского языка, мы пришли к выводу о том, что большая часть ФЕ отражает преимущественно мужскую точку зрения на мир. В качестве примера приведем ряд пословиц: Где муж, там и жена, Муж-голова, жена –душа. Дал муж жене волю- не быть добру. Жена не стекло (можно побить).

Несмотря на такую явную андроцентрическую направленность большего числа ФЕ, некоторое количество ФЕ с противоположной направленностью. Например: Не женат — не человек; холостой — полчеловека. Вдовец деткам не отец, а сам круглая сирота.

Для русской культуры характерна не только зависимость жены от мужа, но и обратное мнение, отразившееся в паремиях: Мужик без бабы пуще малых деток сирота. Особенно это касается пожилых супругов: Рассыпался бы дедушка, кабы его не подпоясывала бабушка; Бабушка не может, дед семь лет костей не гложет.

Во французском языке особенно ярко выражен маскулинный вектор направленности общества. Для сравнения: *un homme galant* букв. доброжелательный - обходительный мужчина– *une femme galante* –букв. доброжелательная женщина –проститутка, или *un homme sans moralité* букв. мужчина без морали- политик и *une femme sans moralité* –букв. ;женщина без морали (аморальная). Как видим практически одни и те же определения, приобретают пейоративный характер, как только речь идет о женщине. Ряд ФЕ с предписывающим характером высказываний, как и в русском материале, но с более директивной коннотацией: *Sois charmante et tais-toi* – «Будь красивой и молчи».

Зачастую не поощряется главенство жены в семье: *C'est sa femme qui porte les chaussures* (или *la culotte*) «он у жены под башмаком». Вместе с тем отношение мужа к жене недостаточно серьезно: *Faire des charres à sa femme*

обманывать свою жену. Часто встречаются ФЕ с пейоративной оценкой женского ума: *Belle femme, mauvaise tete* - красивая жена, да дурная голова; *De belle coiffure l'absence d'esprit* - в красивой причёске ни грамма мозгов.

В якутском языке в парных оппозициях употребляются КЫЫСТААХ УОЛ – ПАРЕНЬ С ДЕВУШКОЙ, но ОҢОҢНОРДООХ ЭМИЭХСИИН – СТАРУХА СО СТАРИКОМ. Такая смена доминирующей позиции, возможно, связана с утратой стариком его основных достоинств как мужчины и добытчика. В семье приняты парные оппозиции ТОЙОН-ХОТУН- ХОЗЯИН-ХОЗЯЙКА, но ИЙЭ-АҢА МАТЬ-ОТЕЦ, то есть в первой паре превалирует мужская позиция, во второй, женская ипостась МАТЬ выходит на первый план.

Социальное неравенство женщины и мужчины нашло отражение в пословицах. Которые утверждают, что счастье девушки состоит в замужестве: Төрөөбүтүгэр олорор кыыс дьоһо суох буолар Ср: Уол оҕо төрүүбүн эрэ кэрэх Молодцу лишь бы родится

Образ якутской женщины как объекта, находит подтверждение в ФЕ: Кыыс оҕо атыылаах-сулуулаах буолар – Девушка имеет цену и калым (Емельянов, 1965 с.165).

Главенство мужа в семье в ФЕ не маркировано, но осуждается его подчинение жене: Ойбун баһыгар ытыарбыт. Можно оспорить, что наличие такой паремии свидетельствует о частоте таких случаев. Во многих паремиях отношение к неженатому мужчине жалостливо, как к несостоявшемуся человеку: Ойоҕор табыллыбатах киһиэхэ дылы. Подобно невезучему в женитьбе человеку. Ойоҕо суох киһи оронуттан ордуоһунар, тэллэбиттэн тэбиэрирэр- Неженатый вставая с постели разгневался, поднимаясь с постели вспылит. Но в них прослеживается отношение к жене(женщине) как к объекту, атрибуту мужчины.

В якутском народном представлении сформировано более положительное отношение к женской ипостаси ЖЕНА, как основной социальной женской роли:

Дьахтар урууга амарах, эр киһи урууга таһарах Родня по женской линии ближе, родня по мужской линии не по нутру.

Также имеются ФЕ с характеристикой жены как друга, чего не найдено во французской паремиологии: Улаҕаҕа уктар, ойоҕоско олордор ойох-доҕор-

«Укладываемый у стены, усаживаемый с боку друг-жена.» В русской паремии: Три друга: отец да мать, да верная жена, - присутствует некая оговорка, жена идет после отца и матери, тогда как в якутской паремии присутствующая аллитерация лишь подчеркивает роль жены-друга.

В контексте СЕМЬЯ моральные предписания адресованы не только женщинам. Большое количество единиц подчеркивает ответственность мужа и важную роль жены в семье. Хотя женщина в нескольких пословицах предстает как не вполне человек, мы обнаружили аналогичные высказывания и в адрес мужчин: не женат — не человек; холостой — полчеловека. Моральные предписания адресованы также не одним только женщинам, но и мужчинам тоже. Обнаруживаются определенные правила для мужчины, где осуждается мужская безнравственность, сексуальная распушенность: У кого на уме молитва да пост, а у него бабий хвост. Киһи ойоҕо ойох буолбат.-

«Чужая жена женой не станет».

Анализ материала исследуемых языков свидетельствует о несовпадении стереотипов фемининности и маскулинности в разных культурных средах, а также, согласно утверждению Кириловой А.В., о различной степени представленности андроцентризма во всех трех языках.

Список литературы

1. Фирсова Н.М. К проблеме понятия «национальный характер». – В сборнике: Романские языки и культуры. – М., 2003.
2. Кирилова, А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилова. - М.: Ин-т социологии РАН, 1999. - 189 с.
3. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. С. 176-180 с.
4. Кулаковский А.Е. Научные труды. Академия наук СССР Сибирское отделение якутский филиал института языка, литературы и истории.// Подготовили к печати Н.В. Емельянов, П.А. Слепцов. Кн. изд-во, Якутск, 1979 г.- 484 с.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. М.: Слово, 2000.- 624 с.
6. О.Ю. Суралева, Т.И. Скоробогатова О гендерной сбалансированности фразеологических единиц, характеризующих интеллектуальную состоятельность (на материале французского языка)- Гуманитарные и социальные науки, 2010.-№ 3- 230-238 с.

**СЕКЦИЯ №24.
ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.21)**

ГЕНДЕРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ В КАЧЕСТВЕ КОНЦЕПТА РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Бойцов И.А., Данкер З.М.

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: Статья рассматривает некоторые аспекты гендерных исследований в русском языке. Гендерные стереотипы в речи анализируются в рамках психолингвистических и социолингвистических исследований. Приводятся примеры исследования на материале семантической структуры слова, фразеологических единиц, паремий, публицистических и художественных текстов.

Ключевые слова: женственность; концепт; стереотип, языковая картина мира, национальный языковой менталитет.

GENDER PARAMETERS AS A CONCEPT OF THE RUSSIAN MENTALITY

Boytsov I.A., Danker Z.M.

St. Petersburg State University

Summary: Article considers some aspects of gender researches in the Russian language. Gender stereotypes in the speech are analyzed within psycholinguistic and the sociolinguistic of researches. Examples of research on material of semantic structure of the word, phraseological units, paremias, publicistic and art texts are given.

Keywords: femininity; concept; stereotype, language picture of the world, national language mentality.

«Определение ментальности затруднительно по причине слабой разработанности самой проблемы», - отмечалось в современной научной литературе известными учеными еще в конце XX века (5: 79). «Как обычно бывает, - рассуждали лингвисты, - новый термин вызывает смутные представления и субъективно осознаваемые образы, которые сразу же становятся символом для определенной точки зрения или известной научной школы» (там же). Однако уже в начале последующего века ученые могли отметить: «В лингвистике гендерная проблематика в последнее время стала одной из доминирующих» (2: 25).

В рамках сложившейся лингвокультурологической науки обращаемся к языковой картине мира в качестве взаимопроникновения языка и культуры, выражения национальной ментальности, сущности складывающегося концепта. Предметом осмысления предлагаем очерчиваемые гендерные концепты «женственность» и «мужественность».

Совершенно справедливо замечается, что «к базовым концептам любой культуры относятся концепты «женщина» и «мужчина». И это понятно: все общества различают мужчин и женщин, и все общества предписывают определенные роли полового поведения для взрослых мужчин и женщин» (3: 26). При этом концептуальное восприятие гендера в языке ведет к двум гендерным категориям «мужественности» и «женственности» как статуса концепта» (4: 147).

В данном плане очертим, прежде всего, категориальный аппарат, сопутствующий рассмотрению понятий «женственность» и «мужественность». Очертим актуальные в подобном случае категории «языковая картина мира», «ментальность», «концепт».

«Язык воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры» (5: 81). «Ментальность есть мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» (там же).

Тем самым, «определяется основная единица ментальности – концепт данной культуры, который в границах словесного знака и языка в целом предстает (является) в своих содержательных формах как образ, как понятие и как символ» (5: 81). «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода – некоторых сторон предмета или реальных действий: разного рода чисто мыслительных функций» (1: 56).

Развиваемые гендерные описания приобретают собственную методологию, пути анализа, методику осмысления концептов. «Гендерный подход в языкознании опирается на так называемые стереотипы – установки модели поведения и характеристиках представителей каждого пола ... Они подразумевают категориальные определения («мужчина» и «женщина») и атрибутивные признаки, связанные с принадлежностью к определенному полу, такие, как внешний вид, род занятий, стереотипы поведения, в том числе и языкового и пр.» (3: 25- 26).

«Основным компонентом гендерного стереотипа является культура, определяющая общепринятый в этнокультурном сознании «портрет» мужчины и женщины в широком смысле слова, включая ценностные и поведенческие ориентиры, традиционные представления о нормах морали и нравственности» (Зыкова. 2009: 26). «В свою очередь, эти стереотипы, по мнению многих исследователей, находят очень интересную с лингвистической точки зрения объективизацию в языке. ...[Осмысление «мужественности» и «женственности» ведет к описанию слов – Разрядка наша: И.Б., З.Д.], обозначающих конкретные человеческие личности в связи с их полом» (3: 26).

Подобные научные работы видятся, с нашей точки зрения, актуальными, перспективными и интересными. Языковое содержание концепта, выявленное на основе лексикологических параметров, становится отражением норм литературного языка, национальной культуры. Вместе с тем, языковая картина мира, лежащая в слове, дает возможность последующих анализов лингвокультурологического плана. Имеется в виду, в частности, обращение к метафоре концепта, к паремическим единицам, в том числе, и при сравнении ментальности разных национальных культур.

Обращаемся непосредственно к интересующим нас концептам «женственность» и «мужественность». Обнаруживается следующее семантическое содержание «женственности». Это «обладающий качествами, свойствами женщине, изящной, нежной» (Ушаков: 858). Это «совокупность качеств, свойственных женщине: мягкость, нежность, изящество» (Введенская. 2003: 144).

Как видим, «женственность» соотносится с качествами, характерными женщинам. Среди качеств, наполняемых «женственностью» имеются те, которые можно видеть. К визуальным параметрам «женственности» относят «изящность, изящество». Данный ассоциативный образ расширяется и внутренними качествами женщины: мягкость, нежность, доброта, материнство, уют, семья и под.

Тем самым, «женственность» связана с красотой, с эстетичностью, с внутренней глубиной («изящность», «изящество»). Интересно: «женственность» в этом плане известна со стилистической пометой «книжное» (Ушаков: 858).

В своем единстве понятие «женственность» приобретает положительную коннотацию. Приобретается отвлеченное существительное относительно полного прилагательного «женственная», краткого прилагательного «женственна», наречия «женственно». Соответственно, сохраняется при этом принадлежность к книжным формам речи: «Женственный, женственна, женственно (книжн.)» (там же).

«Женственность» становится в синонимичном ряду с оценочными понятиями «женственная», «женственна», «женственно». Доказательством тому служат следующие параллели толкования: «Женственная. С качествами, свойствами женщины, мягкая, нежная, изящная» (Ожегов: 195). «Женственная. Обладающая признаками, качествами, присущими женщине: мягкий, нежный, изящный» (БТС: 303).

В русской ментальности известны следующие примеры языковой картины «женственной»: «Женственная натура. В ней нет ничего женственного» (Ушаков: 858). «Женственная натура. Женственная внешность» (Ожегов: 195).

Вместе с тем, интересны своим содержанием понятия «женственность» и «женская», соотносимые с «женщиной». Сравним: «Женский. 1. Прилагательное к «женщина». Женская обувь. Женский труд. Свойственный женщинам. Женская хитрость. Женская нежность. Женские прихоти. Женский почерк» (Ушаков: 258).

Обращает внимание, что «женское» выступает понятием шире относительно «женственности». Интересно, однако, что «женственность» передает русскую ментальность, наполненную только положительной оценкой, с оттенком возвышенного. «Женское» имеет нейтральную окраску (женская обувь), а так же и стилистически сниженную (женская хитрость).

В свою очередь, «женское» способно расширять синонимичный ряд «женственности». В любом случае и «женственность», и «женское» (как изящное, нежное) считается тем качеством, которое отличает женщину.

Наиболее полно «женщина» видится в словаре Бабенко Л.Г. (М., 2005). Отмечается: «Женщина. Существительное, обозначающее живое существо по какому-либо признаку. Женщина – живое существо (человек) женского пола. У прилавка молодая женщина долго выбирала духи» (Бабенко: 28). «Женщина. Существительное, обозначающее человека как живой организм. Существительное, обозначающие периоды

жизни человека, возраст» (там же). «Женщина. Человек женского пола, достигший возраста половой зрелости; та, которая рождает детей и кормит их грудью. В детскую вошла молодая, красивая женщина с гладко зачесанными волосами, скрывавшими часть ушей. Л. Андреев» (Бабенко: 43).

Однако, нами видится пересечение языковой картины мира «мужественности» с соотносительностью не только с мужчинами. В ассоциативно-образном поле русской ментальности присутствуют понятия «мужественная женщина», «стойкая женщина», «сильная женщина». Тем самым, «мужественность» как устоявшееся качество, свойственное мужчинам, способно расширять концепт «женственность», создавая метафоричность образа.

Доказательством присутствия «мужественности» в женщине выступает в частности следующий пример: «Девушка-санитарка не выносит, а сантиметр за сантиметром вытягивает поля сражения тяжело раненного в атаке Звягинцева. У нее не хватает сил вытащить его, неподвижного, большого... Но она тянет и тянет его меж чернеющих воронок, напрягаясь, вся плача, изнемогая, одновременно. И сильная, и слабая, и женственная, и мужественная девочка на войне. Бондарев. В жарком сорок первом» (Львов. 9-е изд: 144). Тем самым, осмысление концептов «женственность» и «мужественность», отражая гендерные оппозиции, формирует различные ментальные национальные картины. Вместе с тем, прослеживается и расширение концепта «женственность» создаваемой метафорой «мужественность» как проявление внутренних качеств человека. Данные наблюдения обуславливают дальнейший интерес к имеющимся концептам в плане сравнения национальных культур.

Список литературы

1. Бабенко Л.Л. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Проф. Л.Г. Бабенко.- М., 2005
2. Большой толковый словарь русского языка. М., 1998
3. Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка. М., 2003
4. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка / 9-е изд. стереотип. Под редакцией Л.А. Новикова
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Под ред. Н.Ю. Шведовой. М. 1989
6. Толковый словарь русского языка. Т.1 / Под редакцией Д.Н. Ушакова. М., 2000
7. Аскольдов С.А. Концепт и слово / Вопросы философии. 2006, №3. С. 64-65.
8. Зыкова С.А. Особенности перевода гендерообразующих лексических единиц испанского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. С. 228-230
9. Зыкова С.А. Способы выражения доминирующей маскулинности в лексическом фонде испанского языка // Вестник Томского государственного университета. Вып. 318 2009. С. 25-27
10. Кирилина А.А. Мужественность и женственность как культурные концепты // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. Воронеж. 2001. С. 141-148
11. Колесов В.В. Тезисы о русской ментальности // «Жизнь происходит от слова...». Санкт-Петербург. 1999. С. 79-83
12. Маслова В.А. Лингвокультурология. Учебное пособие. М., 2001

ОПЫТ АНАЛИЗА ПЕРЕВОДА ОДНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ

Мячинская Э.И.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

В связи с наступлением эры преподавания английского языка по компетенциям в соответствии с международными установками а также проверки (тестирования) знаний в формате международных требований, преподавание перевода не то что отошло на второй план, а вообще вытеснено из обычных учебных программ. Однако востребованность и конкурентоспособность этого профессионального навыка несомненна – характерно, что вопросы интегрированности перевода и необходимости новых современных методик преподавания равно как и другие аспекты обучения переводу обсуждаются в рамках ежегодных «Федоровских чтений» в С.-Петербургском университете и печатаются в выпусках «Университетского переводоведения» [Бершадская, Обидина 2011; Салье 2013]. На специальных кафедрах филологического факультета СПбГУ перевод изучается и преподается в самых различных формах и видах: письменный художественный и газетный, устный синхронный и

последовательный, с иностранного языка и на язык и т.д. Более того, этот предмет логически включен в комплекс научных лекционных дисциплин, таких как лексикология, стилистика, социолингвистика и пр. Предлагаемый в настоящей статье анализ перевода являет собой пример важности обще-филологических лингвистических знаний для достижения определенного качества перевода. Следует при этом иметь в виду, что речь прежде всего идет об учебном переводе, т.е. анализе студенческих ошибок, но анализ официально опубликованного варианта также приводится для сравнения.

Исследуемый отрывок взят из начала 10-й главы романа Ирвина Шоу «Ночной портье»[Shaw 1975]

«I'm worried about my husband», Flora Sloane said to me. We were having a drink before lunch, seated in the sunshine on the terrace of the Corveglia Club, among the maritime Greeks, the Milanese industrialists, the people who were photographed beside pools at Acapulco, and the ladies of various nationalities who preyed on them all. Flora Sloane, who obviously had not been what has in other times been called “gently reared” and who lapsed, when exited, into a language and an accent you might expect to hear from a waitress in a diner in New Jersey patronized almost exclusively by truck drivers, was completely at home here and accepted all attention or deference with regal aplomb. I, on the other hand, felt like a man who had just been dropped behind enemy lines.»

В сборнике упражнений для студентов в адаптированном варианте подчеркнутая часть предложения выглядит так: « Flora, when exited, lapsed into a language and an accent you might expect to hear from a waitress in a diner in New Jersey patronized almost exclusively by truck drivers.» [Комарова, Цаллагова 1990: 27]

Объектом нашего внимания является подчеркнутый фрагмент, а конкретнее – выделенное слово **accent**. Очевидно, что оно соотносится с русским словом «акцент», которое, как мы покажем далее, можно назвать псевдо-эквивалентом. В большинстве случаев студенческие переводы сводятся к следующему варианту:

*«В возбужденном состоянии Флора переходила на такой язык и начинала говорить с таким акцентом, который можно услышать от официантки в столовке в Нью Джерси, где обедают преимущественно водители-дальнобойщики». Оставив в стороне обсуждение употребления «дальнобойщики», обратимся к слову «акцент», значения которого 1) Ударение, выделение, чего-либо 2) Неточное произношение слов иностранного языка, связанное с особенностями родного языка говорящего. [Большой 2003]. Иными словами, «акцент» относится к области искажения нормативности языка, связанной с интерференцией. Английское accent так определяется словарем: « a particular way of speaking, usu. connected with a country, area or social class» [Dictionary 1993], т.е. включается и русский лексико-семантический вариант, но имеется и еще два более важных – произношение территориального диалекта и социолекта. другого языка Очевидно, что мы имеем дело не просто с феноменом «ложных друзей переводчика», но с элементами лингвистической терминосистемы.

Теоретически - это не новая тема, и особое положение и функционирование терминов в языке привлекает внимание лингвистов, тем более в сфере перевода, ср. «необходима целенаправленная и постоянная профессиональная работа не просто над терминами, а над терминосистемой, которая должна обладать целостностью, относительной устойчивостью, логичностью, лингвистической связностью и системностью» [Чистова 2013:497] Именно с системностью диалектологических терминов мы сталкиваемся в данной ситуации. В английском языке у каждого говорящего есть свой “accent” – у носителей нормативного произношения он называется Received Pronunciation, а у носителей не-нормативного произношения он показывает либо откуда говорящий (территориальный диалект, также несущий социальную характеристику), либо дает информацию о социальном происхождении, положении, образовании и пр. говорящего. По определенным фонетическим чертам (напр. глоттализация [t], утрата начального [h], вокализация [ɪ] и пр.) англичане могут четко позиционировать говорящего на социальной шкале общества, своего рода социально-фонетический GPS [Trudgill 1993; 1-14]. Многие носители английского - диглоссы, т.е. люди, которые могут владеть как нормативным, так и диалектным (региональным или социальным) произношением и могут переключаться с одной системы на другую – либо намеренно, либо «в возбуждении», когда вновь приобретенная «правильная» манера произношения забывается. Именно это и происходит с героиней анализируемого отрывка.

Ничего подобного не существует в системе вариативности русского языка. Фонетические характеристики, отличные от нормы, проявляются лишь в региональных диалектах, и, как правило, идентифицируются носителями русского языка. Нет таких фонетических особенностей, которые указывали бы на классовую принадлежность, минуя региональную информацию. Вместе с тем, в русском языке есть мощное средство аналогичное английскому 'accent': употребление сниженной лексики, жаргона, просторечия, вульгаризмов, табуированной лексики и т.д., что столь же эффективно помогает социальному позиционированию говорящего [Мячинская 2012]. Фонетические черты типа неправильного ударения (напр. звОнит/звонИт) являются сопутствующими и сами по себе точной социолингвистической информации не несут. Исходи из этого, корректным переводом на наш взгляд будет: « ... переходила на такой язык и употребляла такие словечки, которые можно услышать только...»: вместо «акцента» - «словечки».

Переводчики опубликованного текста романа, вероятно, осознавали невозможность употребления слова «акцент», но избрали иную тактику: «Флору в прежние времена уж никак бы не назвали «благородно воспитанной»; когда она нервничала, то выражалась языком официанток из столовых Нью-Джерси, обслуживающих главным образом шоферов грузовых машин;...» Проблемное слово в переводе вообще опущено: смысл отнюдь не утрачен, но точность перевода страдает. Кстати, *excited* обозначает «приятное возбуждения от ожидания счастья», а не «нервничает», но для того, чтобы «соскользнуть» с нормативного языка на не-нормативный, оба состояния подходят.

Таким образом было продемонстрировано, что переводчик должен внимательно относиться к переводу элементов терминосистем, поскольку они создают дополнительные трудности и возлагают на переводчика еще большую ответственность.

Список литературы

1. Бершадская С.В., Обидина В.В. Интегративный подход в обучении переводу как специальности. / Университетское переводоведение. Вып. 11: Материалы XI международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения», 20-23 октября 2010г. – СПб. Филологический факультет СПбГУ, 2011. – сс. 90-92
2. Большой словарь иностранных слов/ Состав. А.Ю.Москвин. – М.: «Полюс», 2003
3. Комарова О.А., Цаллагова З.С. Учебные задания по переводу с английского языка на русский для студентов IV –V курсов. – Ленинград 1990
4. Мячинская Э.И. Стилизация диалектной речи в английском и русском художественных текстах / "Коммуникация. Мышление. Личность": Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессоров И.Н.Горелова и К.Ф.Седова. Саратов: Издательский центр "Наука", 2012, сс. 670-672
5. Салье Т.Е. Перевод в старых межфактовых программах. Хорошо забываемое старое / Университетское переводоведение. Вып. 12. – СПб. Филологический факультет СПбГУ, 2013. – сс. 391-394
6. Чистова Е.В. Перевод как способ формирования неотерминосистем в условиях «глобанализации» / Университетское переводоведение. Вып. 12. – СПб. Филологический факультет СПбГУ, 2013. – сс.494-498
7. Шоу Ирвин «Ночной портье». Перевод Г. Лев, А.В.Санин. М.: АСТ, 2010
8. Dictionary of English language and culture. Harlow: Longman, 1993
9. Shaw, Irwin. Nightwork. Delacorte Press, 1975
10. Trudgill, P. Sociolinguistics: an introduction to language and society. – London: Penguin Books, 2000

СЕКЦИЯ №25.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.22)

СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ?

Дубровина М.Э.

Санкт-Петербургский Государственный Университет, г.Санкт-Петербург

Якутский язык представляет собой интереснейший материал для тех исследований, внимание которых направлено на изучение грамматических и синтаксических черт, которые могут быть обнаружены в тюркских языках в качестве их особенностей. Ведь якутский язык, будучи одним из тюркских языков, отошел от основной массы языков своей группы довольно рано. О.Н. Бетлингк даже выдвигает предположение, что якуты первыми отделились от «членов турецко-татарской семьи, еще не разделившихся в языковом отношении» [1: 44]. Это позволяет тюркологами воспринимать многие явления в строе этого языка как максимально архаичные, сохранившиеся еще с тех времен, когда большая часть тюрков могли говорить на одном языке. Недаром многие тюркологи стремятся к различным сравнительным исследованиям, привлекая факты именно якутского языка и сопоставляя их с фактами других древних языков. По мнению Е.И. Убрятовой, в якутском языке следы древних тюркских языков проявляются не в единичных явлениях, а во всем грамматическом строе языка, что «позволило думать, что в основе якутского языка был какой-то древний тюркских язык, близкий языку рунических

памятников» [11: 24; 12]. Таким образом, анализируя материал якутского языка, можно попытаться найти ответы на вопросы, касающиеся спорных моментов в области грамматики и синтаксиса тюркских языков, или, по крайней мере, обнаружить какие-то подтверждения выдвигаемым гипотезам.

В современном якутском языке отсутствует форма родительного падежа. В других тюркских языках родительный падеж является приименным падежом [9: 44-47] и указывает на обладателя внутри поссесивных отношений.

язык ДТПИ: Bāniñ bodunum anta ārūr (Tk, 21).

Я-GEN народ POSS.1SG то LOC быть PRS.3SG

‘Мой народ там будет’.

тур. Benim arkadaşım

я-GEN друг POSS.1SG

‘мой друг’.

якут. Мин саамай бастың доҕорум Даарыйа эмээхсин.

Я самый лучший друг POSS.1SG Даарыйа старуха

‘Мой самый первый друг – бабушка Даарыйа’.

Насколько становится понятным, на сегодняшний момент в тюркском языкознании по вопросу о наличии в якутском языке родительного падежа существует две точки зрения. Первую высказал еще О.Н. Бетлингк, который полагал, что в якутском языке нет следов родительного падежа. По его мнению, «было бы не невозможным, чтобы этот падеж развился в тюркско-татарских языках после раскола». [1: 283]. Вторую отстаивал С. В. Ястремский, который обнаруживал следы бывшего существования родительного падежа в якутском языке, прежде всего, в элементе н (-ын), выделяемом в сложном изафете, типа кини ат-ын ыыыра ‘седло его коня’. [14; 13 : 137]. Позицию, близкую С.В. Ястремскому, занимал и В.А. Богородицкий, который не во всем соглашаясь с О.Н. Бетлингком, считал, что на период, после «раскола» языков приходится лишь позднейшие фазы в развитии окончаний родительного падежа, а в якутском языке родительный падеж существовал, но «мог выйти из употребления позже, вытесненный притяжательным словосложением». [2: 153].

Так как же ответить на вопрос: существовал родительный падеж в некий древний период якутского языка или нет? Когда все описательные или статистические доводы исчерпаны, остается, по-видимому, лишь один путь научного исследования – путь проникновения вглубь языковой системы. В этом отношении, перспективным направлением можно признать поиск связи между функционированием конкретных форм и строем языка в целом.

Автор настоящей статьи, занимаясь изучением падежной системы языка древнетюркских рунических памятников, пришел к убеждению, что так называемые грамматические падежи (именительный, родительный, винительный) в тюркских языках получили свое развитие намного позже, чем пространственные падежи или сопроводительные. [5] Эта ситуация в корне противоположна той, которую можно наблюдать в индоевропейских языках, в которых именно грамматические падежи: именительный, родительный, винительный прежде остальных получают свое формальное выражение. Причина того, что в тюркских языках раньше остальных возникли именно косвенные падежи (прообразы инструментального, дательного, местного и т.д. падежей), на наш взгляд, кроется в отличительном устройстве этих языков. Тюркские языки принадлежат к агглютинативному типу языков, формирующей чертой которых, по мнению Г.П. Мельникова, полностью разделяемого и автором статьи, является принцип экономии служебных элементов. Этот принцип, детерминанта, проявляет себя в том, что наиболее предсказуемая для участников разговора информация не выражается в речи с помощью морфологических показателей. Как представляется, вся языковая система тюркских языков полностью подчиняется этому правилу, в связи с чем на морфологическом уровне активного развития стали получать те формы, которые передают наименее предсказуемые значения. Так, например, форма множественного числа возникает в тюркских языках сравнительно поздно, еще в рунических текстах она употребляется крайне редко, связано это очевидно с тем, что количественная информация о предметах, в основном, выводилась участниками разговора из контекста, эта информация, очевидно, была понятной и не требовала специального морфологического оформления. [4;7]. То же самое можно сказать о формах грамматических падежей в целом, и о форме родительного падежа в частности. Родительный падеж, будучи единственным приименным падежом, передает информацию о том, что предмет, выраженный основой слова, является обладателем в рамках притяжательного отношения. Но в тюркских языках издревле стал развиваться способ передачи притяжательных отношений синтаксическим путем, с помощью специальных словосочетаний, изафетов, [8] строящихся на соположении двух имен. Судя по результатам предшествующих исследований, соположение в принципе является самым предпочтительным способом выражения атрибутивных, в том числе и притяжательных отношений в тюркских языках. [5: 19]. В языковой системе тюркских языков присутствует возможность выразить обладателя

путем постановки соответствующего слова на первое место в словосочетании, т.е. без привлечения морфологических средств. Таким образом, сам собой напрашивается вывод, что подчиняясь принципу экономии служебных элементов, система обеспечивает передачу наиболее предсказуемых смыслов не с помощью падежного аффикса, а с помощью словосочетания построенного по способу примыкания. Тем самым, в течение долгого времени в истории тюркских языков не возникает потребности в создании формы родительного падежа, именно поэтому в якутском языке, который отделился от тюркских языков ранее остальных, родительный падеж так и не развился. При этом и С.В. Ястремский, и В.А. Богородицкий указывают на те же факты, только истолковывают их иначе. По словам В.А. Богородицкого, родительный падеж был вытеснен изафетом, но, на наш взгляд, этот процесс был обратным, т.е. наличие изафета не давало возможности возникнуть форма падежа. В этом отношении позиция автора статьи согласуется с утверждениями Б.А. Серебренникова и Н.З. Гаджиевой, которые полагали, что «родительный падеж на ранних стадиях существования тюркского праязыка полностью отсутствовал. Его заменяла так называемая изафетная конструкция. Два имени существительных, из которых одно было определением, а другое определяемым соединялись способом простого примыкания...». [10: 76].

И также абсолютно верным представляется автору статьи мнение С.В. Ястремского об элементе –ын, встречающимся в цепочном изафете. По его словам, элемент –н в таких словосочетаниях выражает лишь отношение родительного падежа, т.е. ту связь, которую родительный падеж мог иметь, но формально не представляет собой обломка формы бывшего родительного падежа, а является некоторым пережитком древней формы, носившей более широкие и неопределенные функции. [13: 137]. В предыдущих исследованиях автору статьи удалось прийти к выводу, что аффикс –ын который обнаруживается и в древних тюркских языках, представляет собой одну из древнейших падежных форм – форму общеобъектного падежа. Значением этой древнейшей падежной формы могла быть лишь «сигнализация о существовании некой связи между участниками ситуации, указание на сам факт наличия отношения одного предмета к другому предмету или действию». [3: 99]. Поэтому падеж с показателем –ын в дорунический период мог употребляться для передачи самых разнообразных предметных связей. [6: 82]. В более поздний период полифункциональность этого падежа послужила отпочкованию некоторых его функций и его способности использоваться в качестве инструментального, притяжательно-винительного и родительного падежей. Обломком именно этого древнего падежа, а не самостоятельной формы родительного падежа, очевидно, и является аффикс –ын в якутском цепочном изафете.

Таким образом, автор статьи отрицательно отвечает на вопрос, вынесенный в заголовок, - в якутском языке формы родительного падежа не существовало.

Список литературы

1. Бётлингк О.Н. О языке якутов. /Перевел с нем. д.ф.н. В.И. Рассадин. Новосибирск: «Наука». Сибирское отделение, 1989. — 645 с.
2. Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Изд-е 2-е, исправ. и допол. / Под ред Н.К. Дмитриева. Казань: ТАТГОСИЗДАТ, 1953. — 220 с.
3. Губайдуллина М.Э. К вопросу о значении так называемого инструментального падежа // Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. В.И. Цинциус. (13-14 октября 2003г.). СПб., «Наука», 2003.— С. 88-99.
4. Дубровина М.Э. К вопросу о количественном значении тюркской субстантивной основы //Вестник Санкт-Петербурга. Серия 9. Филология, востоковедение, журналистика. Вып.3. (Ч.1). Сентябрь 2007. СПб.: Издательство СПбГУ, 2007.— С. 119- 125.
5. Дубровина М.Э. К вопросу о коммуникативных функциях так называемых «грамматических» падежей (основной, винительный, родительный) в тюркских языках //Россия и тюркский мир. Востоковедение и Африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. II Международная научная конференция. 5-7 апреля 2006 г.: Доклады и материалы. СПб., 2007. — С. 124-133.
6. Дубровина М.Э. О некоторых функциональных особенностях падежной формы с показателем –(у)п в языке древнетюркских рунических памятников // Актуальные проблемы диалектологии народов России: Материалы XV Всероссийской научной конференции. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. – С. 81-83.
7. Дубровина М.Э. О так называемом собирательном значении тюркской категории числа // Вопросы тюркской филологии. Выпуск VIII. Материалы Дмитриевских чтений. М.: Издательство «Гуманитарий», 2007. – С. 95-103.
8. Майзель С.С. Изафет в турецком языке. М; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1957. – 187 с.
9. Мельников Г.П. Природа падежных значений и классификация падежей //Исследования в области грамматики и типологии языков. М.: Издательство Московского университета, 1980. – С. 39-64.

10. Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Издание 2-е, исправ. и дополн. М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1986. – 302 с.
11. Убрятова Е.И. Историческая грамматика якутского языка. Учебное пособие. Якутск: Изд. Якутского университета, 1985. – 61 с.
12. Убрятова Е.И. Якутский язык и его отношение к другим тюркским, а также к монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам. М.: Изд-во Вост. лит-ра, 1960. – 13 с.
13. Ястремский С.В. Грамматика якутского языка. Второе, переработанное издание. М.: Гос. учебно-педагог. изд-во НКП РСФСР, 1938. – 228 с.
14. Ястремский С.В. Падежные суффиксы в якутском языке: Этюд. Иркутск: Восточно-Сибирское отделение РГ общ-ва «Труды якутской экспедиции», 1898. – 51 с.

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2016 ГОД

Январь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны**», г.Санкт-Петербург

Прием статей для публикации: до 1 января 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2016г.

Февраль 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы гуманитарных наук в России и за рубежом**», г.Новосибирск

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2016г.

Март 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы современных гуманитарных наук**», г.Екатеринбург

Прием статей для публикации: до 1 марта 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2016г.

Апрель 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы и достижения в гуманитарных науках**», г.Самара

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2016г.

Май 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы и перспективы развития гуманитарных наук**», г.Омск

Прием статей для публикации: до 1 мая 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2016г.

Июнь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Современные проблемы гуманитарных наук в мире**», г.Казань

Прием статей для публикации: до 1 июня 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2016г.

Июль 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**О вопросах и проблемах современных гуманитарных наук**», г.Челябинск

Прием статей для публикации: до 1 июля 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2016г.

Август 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Новые тенденции развития гуманитарных наук**», г.Ростов-на-Дону

Прием статей для публикации: до 1 августа 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2016г.

Сентябрь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Гуманитарные науки в современном мире**», г.Уфа

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2016г.

Октябрь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Основные проблемы гуманитарных наук**», г.Волгоград

Прием статей для публикации: до 1 октября 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2016г.

Ноябрь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «Гуманитарные науки: вопросы и тенденции развития», г.Красноярск

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2016г.

Декабрь 2016г.

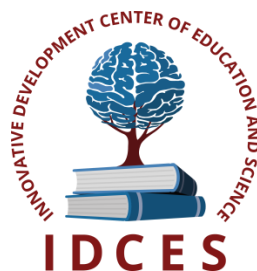
III Международная научно-практическая конференция «Перспективы развития современных гуманитарных наук», г.Воронеж

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2017г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Гуманитарные науки»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

**Актуальные вопросы и перспективы развития
гуманитарных наук**

Выпуск III

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 мая 2016г.)**

**г. Омск
2016 г.**

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Подписано в печать 10.05.2016.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 5,5.
Тираж 250 экз. Заказ № 50.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58